

ДЕБРА

УЭББ

НЕ

ДОВЕРЯЙ
НИКОМУ

«Это запутанный детективный триллер, от которого кровь стынет в жилах, с неотразимой главной героиней — полицейским Керри Девлин. Интересно, что будет дальше у детективов Девлин и Фалько?»

ЛОРЕТ ЗНН УАЙТ

Дебра Уэбб. Идеальное преступление

Дебра Уэбб

Не доверяй никому

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уэбб Д.

Не доверяй никому / Д. Уэбб — «Эксмо», 2020 — (Дебра Уэбб. Идеальное преступление)

ISBN 978-5-04-159777-1

Керри Девлин воспитывает дочку и борется с бывшим мужем. Самое неподходящее время в ее жизни, чтобы расследовать двойное убийство и исчезновение, да еще и с новым напарником Фалько, который имеет не лучшую репутацию. Преступление затрагивает самые высшие слои общества: убит местный богач и его свекровь, а жена похищена. Девлин и Фалько начинают расследование и понимают, что за фасадом роскоши и достатка скрывается гниль, предательства и зависть. Похищенная жена становится все больше похожа не на жертву, а на преступницу. Дело вмешивается в личную жизнь Керри Девлин, теперь ей необходимо действовать в собственных интересах, чтобы раскрыть преступление и обезопасить свою семью.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-159777-1

© Уэбб Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	10
3	23
4	28
5	31
6	35
7	39
8	41
9	49
10	51
11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дебра Уэбб

Не доверяй никому

Debra Webb

TRUST NO ONE

Text copyright © 2020 by Debra Webb All rights reserved This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Атамалибекова Т.М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Я бесконечно благодарна Меге Парех за то, что предоставила мне эту потрясающую возможность. И я так рада нашему предстоящему сотрудничеству с издательством «Томас и Мерсер».

Написать роман сложнее, чем просто сесть за компьютер и позволить волшебству струиться с твоих пальцев. Порой это тяжелый, психологически изматывающий труд. А иногда слова сами текут рекой. И когда рукопись закончена, впереди тебя ждет еще много работы. Очень много работы. Чтобы придумать потрясающую историю, нужен командный подход. И я хочу поблагодарить каждого члена команды, помогавшего мне воплотить в жизнь эту историю. Огромное спасибо Меге Парех, Шарлотте Хершер, а также всем редакторам и корректорам, работавшим над этими страницами. Вы все просто невероятны!

Дебра Уэбб

Чего глаза не видят, о том сердце не тужит.

Народная пословица

1

Сегодня

Суббота, 16 июня

7:15

– Давай немного остынем, просто скажи, где она. – Керри осторожно выдохнула. – И я опущу пушку. Даю слово. Все, что от тебя нужно, – это сотрудничество.

Ее ладони вспотели, руки дрожали от напряжения – она слишком долго держала подонка на мушке. Керри последовала за ним, несмотря на то что совершенно ему не доверяла.

Теперь ситуация казалась безвыходной.

Лейтенант бы сказал, что отчаяние заставило ее перейти черту, и не ошибся бы. А новый напарник покачал бы головой и поинтересовался, какого черта она вообще посмела осуждать его.

Керри моргнула. Она зашла слишком далеко. Но уже ничего не изменить. Подавив приступ неуверенности, подкатывавший к горлу, она посмотрела в упор на человека, которого держала под прицелом. *Ничего не изменить.*

Он засмеялся. Из его распухшего, сломанного носа текла кровь. Кажется, она как следует ему врезала. Подтверждением тому служила саднящая боль в правой руке. Керри сердито поджала губы. Видимо, этого было недостаточно, иначе он бы не выглядел таким самодовольным, сукин сын.

– Вам пора бы уже уяснить, детектив Девлин: вы ничего не сможете мне сделать. Я вас уничтожу, – предупредил он гнусаво и смахнул брызги крови со своего светло-голубого поло. – Знайте, что вашей карьере в Бирмингемском департаменте полиции пришел *конец*.

Вообще-то Керри и без него это было совершенно ясно. Всем своим существом она хотела одного – убить его. И в глубине души это желание лишь нарастало. Она знала, что натворил этот подонок. Видит бог, у нее были доказательства. Может, их недостаточно для обвинительного заключения, и тем не менее... Но сейчас она могла с ними подождать. *Были вещи* намного важнее – и неотложнее.

Теперь засмеялась она.

– Неужели тебе до сих пор непонятно, что мне плевать? Если я сумею справиться с тобой, то уж как-нибудь справлюсь и с последствиями.

Он улыбнулся – эта улыбка выглядела дико на его окровавленном, изуродованном лице.

– Но тебе ведь не плевать на твою маленькую дочурку, не так ли? Не хотелось бы, чтобы она расплачивалась за твои ошибки, детектив.

Керри передернуло. Ее охватил новый приступ ярости, вызванный скорее ее собственной реакцией, нежели его угрозой.

– Отвечай на вопрос, скотина. – Она дернула дулом своего «Глока» 40-го калибра. – Или, клянусь богом, я влеплю тебе пулю между глаз.

Он смотрел на нее две-три секунды, затем сказал:

– Давай, пристрели меня.

Твою мать.

Может быть, он заметил, как тряслись ее руки или как ее передернуло. В любом случае, он догадался, что она блефует.

Отступить некуда.

Керри крепче сжала пистолет. Указательный палец замер на спусковом крючке.

– Думаешь, не выстрелю?

Тогда он набросился на нее.

Керри инстинктивно отклонилась вправо.

Он всем телом врезался в ее левое плечо, заставив потерять равновесие и упасть на пол. Вес его рухнувшего тела выдавил весь воздух из ее легких.

Пистолет?

Со вспышкой адреналина она крепче сжала в правой руке свой «Глок».

Оружие по-прежнему было у нее. Керри выдохнула с облегчением.

Собрав остатки сил, Керри со всей силы ударила левым кулаком противнику в горло. Но тот успел уклониться в сторону, так что ему прилетело в плечо.

Она занесла руку для нового удара, в этот момент он ее опередил, и у Керри зазвенело в ушах.

Стараясь не обращать внимания на боль, Керри попыталась двинуть ему коленом в пах, но он снова увернулся. Вцепившись одной рукой в «Глок», другой он ухватил ее за волосы.

Нет. Нет. Нет!

Она вывернула правую руку, стараясь выдрать ствол. Он вцепился еще крепче, его лицо исказила ярость. Керри изогнулась, стараясь свободной рукой вцепиться ему в горло или в глаза. В ответ он со всей силы ударил ее несколько раз головой об пол.

Все вокруг закружилось. Она почувствовала, как хрустнуло запястье от его усилий вырвать пистолет.

Нельзя... допустить... чтобы... он... забрал... оружие...

Он еще сильнее впечатал ее в пол. Глаза закатились. Керри на секунду зажмурилась, стараясь встряхнуться, насколько это было возможно под тяжестью его тела.

Еще один удар по голове....

Грохот выстрела разнесся по комнате.

Она судорожно вздохнула.

И снова погрузилась в темноту.

Керри изо всех сил старалась не потерять сознания и подняться.

Где он?..

Перед глазами все поплыло, комната стала вращаться. В надежде унять головокружение Керри закрыла глаза.

Темнота накатила волной, засасывая глубже и глубже...

Раздался звук, который вырвал Керри из обволакивающей тьмы.

Дребезжание и вибрация повторились.

Она почувствовала боль и снова попыталась открыть глаза.

Вновь дребезжание.

Глаза открылись, и ее пронзила острая боль. Керри зажмурилась и застонала.

Чертово дребезжание не прекращалось, это был телефон. Несмотря на адскую боль, Керри открыла глаза, повернула голову и уставилась на черный предмет, лежавший на деревянном полу. Понадобилось время, прежде чем мозг дал команду руке поднять телефон и ответить.

На экране появилось лицо ее напарника Фалько. Что-то же он хотел ей сказа...

Твою мать.

Она села. Комната продолжала вращаться. Казалось, голова сейчас расколется от усиливающейся боли. Когда Керри снова осмелилась открыть глаза, ее взгляд уперся в мужчину, лежащего лицом вниз, причем одна ее нога была все еще прижата его телом к полу.

– Господи Иисусе. – Она с трудом выбралась из-под него.

Комната снова закружилась. Схватившись за голову, Керри закрыла глаза и сидела так до тех пор, пока не прекратилось головокружение, а боль не стала терпимой. Еще один стон сорвался с ее губ.

Телефон снова завибрировал. Но сейчас было не до него. Она заставила себя открыть глаза и медленно, на четвереньках, поползла. Остановившись только рядом с *ним*, Керри дотронулась до шеи, проверила пульс.

Ничего.

Он был мертв.

Твою мать.

Где оружие?

Она с трудом поднялась на ноги и, пошатываясь, обошла тело. Чертовой пушки нигде не было.

– Черт. Черт. Черт.

«Глок» должен был быть под ним.

Она толкала его правой ногой до тех пор, пока не перевернула на спину. Дыра на груди и обилие крови подсказали, что пуля, должно быть, вошла вертикально вверх и пробила артерию.

Он был мертв.

Она убила его.

Присев и обнаружив пистолет рядом с растекающимся пятном крови, она выдохнула с облегчением. Керри схватила оружие и сунула за пояс.

Телефон снова завибрировал. На этот раз она подняла трубку, успев нажать нужную кнопку.

– Девлин.

– Где тебя черти носят? – Не дожидаясь ответа, ее напарник, Люк Фалько, продолжил: – Они кое-что нашли, Девлин. Еще одно тело, возможно, женское. Наше дело растет как снежный ком. Ты должна приехать. Ты должна приехать *прямо сейчас*.

Дело. Десять дней расследование двойного убийства уводило их все глубже и глубже в прошлое, не давая ничего, кроме случайных обрывков информации. А теперь неожиданно десятки разрозненных кусочков стали собираться в картину.

Керри глянула на мертвеца на полу. Он был одним из этих кусочков.

Она возвращалась в тяжкую, холодную реальность.

Твою же мать! Керри осторожно дотронулась свободной рукой до головы. Крови она не почувствовала, но боль была адской. Она сморщилась и убрала руку. *Соберись!* Дело. Фалько. Господи Иисусе, ну и заваруха.

– Прости. – Она подавила приступ паники. – Мне тут надо было кое с чем разобраться. – Керри закрыла глаза, чтобы не видеть труп. – Пришли мне адрес, я уже еду.

– Давай скорее, Девлин. У меня есть предчувствие.

– Ага, да-да. Скоро буду. – Керри нажала «отбой» и сунула телефон в задний карман.

И что же, мать твою, теперь делать? Доложить обо всем? Но в таком случае... грудь сдавило шемящее чувство тревоги.

Она обхватила раскалывающуюся от боли голову, стараясь не расплакаться. Поздно лить слезы. Он мертв.

Ок. Ок. Она его убила. Случайно это произошло или нет, но он был мертв, и причиной этого стала ее пуля.

Надо все спокойно обдумать, а после этого решить, что делать дальше.

Она подумала о дочери. О господи, если ее посадят, то Тори...

Керри отогнала эту мысль, стараясь успокоиться. «У меня нет времени, обдумая все как следует позже».

А сейчас надо было бежать. Фалько с поисковой группой уже были на месте. Она тоже должна быть там, а с тем, что случилось, можно разобраться и потом. Заявить о временном помешательстве, заставившем ее покинуть место преступления.

Керри осмотрела руки и одежду, чтобы убедиться, что на ней нет крови. Все чисто.

Резко повернувшись, она бросилась к выходу, споткнулась и едва не упала. Керри закрыла за собой дверь, замедлив шаг, вышла на крыльцо и стала спускаться по ступенькам, пытаясь нащупать в карманах ключи от машины. Только бы не пришлось за ними возвращаться...

Она села в свой «Вагонер» и поблагодарила бога за то, что ключи оказались в замке зажигания.

Собрав остатки решимости, Керри завела машину и тронулась, лишь после этого вспомнив про ремень безопасности. Судя по боли в голове, тошноте и головокружению, у нее, скорее всего, сотрясение, но разбираться с этим тоже придется позже.

Керри вцепилась в руль обеими руками и сделала глубокий вдох, затем еще один. Она все объяснит позже. «Это был несчастный случай».

Пустые слова.

Он набросился на нее. Пистолет выстрелил.

Случайный выстрел. Или даже самозащита. Он угрожал ей и ее дочери.

О чем она вообще думала, решив встретиться с ним вот так, один на один? Неужели и правда верила, что сукин сын возьмет и во всем сознается? А ведь она считала себя профессионалом. Твою мать...

Она стремительно теряла контроль над ситуацией – да что там, давно потеряла его.

Человек был мертв. Возможно, невиновный человек. Ну уж нет. Черта с два невиновный! Так далеко она заходить не станет. Он был виновен по крайней мере в том, что помогал покрывать массу преступлений, а возможно, даже убийство. Керри сжала губы. О да. Все инстинкты, развитые за столько лет службы в полиции, кричали ей о том, что это был он.

Поворот.

У Керри перехватило дыхание, и она ударила по тормозам.

Слишком поздно, машину занесло и закрутило.

Она не вписалась в поворот и уперлась взглядом в канаву.

2

Десять дней назад

Среда, 6 июня

9:15

Департамент полиции Бирмингема

Первая авеню, Север

Специальный отдел особо важных расследований

– Не нравится мне все это. – Керри покачала головой и сильнее уперла кулаки в бока. – И почему это я должна была вытянуть короткую спичку?

Лейтенант Донтрелл Брукс так сильно откинулся в кресле, что, если бы не книжный шкаф, стоявший позади, он бы точно опрокинулся. Белоснежная выглаженная рубашка, безукоризненный узел галстука – он мог бы украсить обложку журнала GQ как самый стильно одетый полицейский Америки. Жаль, что образ недолговечен. К полудню крахмальная рубашка размякнет и сомнется, а лейтенант слегка ослабит узел галстука в красно-синюю полоску, разбираясь с очередной неприятностью вроде нынешней, – на что он, впрочем, не обратит внимания.

– Детективу Фалько нужен самый лучший напарник, который смог бы быстро и доходчиво объяснить ему, что к чему. – Лейтенант протянул к ней свои большие руки – руки, которые, прежде чем принялись гонять по столу карандаши и перекладывать бумажки, в свое время задержали столько бандитов, сколько иным и не снилось. – Ты лучшая в отделе, Девлин. Что тебя, собственно, не устраивает? Ты тоже была когда-то новичком. Если бы Босвелл не захотел взять тебя в напарники, как думаешь, светил бы тебе сейчас, в твоём нынешнем положении, чин сержанта?

Семь лет Трент Босвелл был её напарником – до тех пор, пока месяц назад не ушел на пенсию. Лучший напарник на свете. Хороший коп – и хороший человек. А про Фалько только ходили слухи, что он заноза в заднице, что всю свою непродолжительную карьеру он ходит по краю, что у него больше взысканий, чем у любого сотрудника Бирмингемского департамента. Честно говоря, Керри вообще не понимала, как он стал детективом, не говоря уже о том, как умудрился попасть в Специальный отдел. Чтобы быть хорошим детективом, одного сданного экзамена недостаточно. И послужной список, и поведение, и характер – тут важно все. Керри предполагала, что парень раскопал какой-то компромат на кое-кого весьма влиятельного, потому что у Фалько не было ни приличного послужного списка, ни поведения, ни характера, соответствовавших его званию, по крайней мере по её, возможно, не такому уж скромному и совершенно необъективному мнению.

Она терпеть не могла такие схемы.

За что и получила.

– То есть меня теперь наказывают за то, что я хороший полицейский?

Брукс демонстративно закатил глаза.

– Хватит причитать, Девлин. Ты знаешь, как это работает.

И прежде, чем она успела возмутиться, добавил:

– Попробуйте поработать один месяц. Если он так и не устроит тебя в качестве напарника, рассмотрим другие варианты.

Лейтенант бойко выпалил эту ложь, однако язык жестов рассказал правду. Брукс ссутулился и сразу отвел глаза. Значит, ей придется терпеть Фалько до тех пор, пока он не уволится – или пока его не уволят, а то и не убьют.

Хотя более вероятно, конечно, что его петушиный, задиристый нрав скорее угробит *ее* *саму*.

Черт бы его побрал.

– Как скажете, сэр. – Спорить не имело смысла. Единственный вариант сейчас для нее – попробовать найти с Фалько общий язык и выяснить, каким образом он умудрился выбиться в детективы – с таким-то стремным послужным списком.

Узнать его секреты и заполучить тем самым некоторое преимущество.

И хотя работа с новым напарником не сулила ничего, кроме головной боли, учитывая все, что она о нем слышала, Керри была старше по званию и собиралась всю этим пользоваться. Важно, чтобы он играл по *ее* правилам. Конец.

Брукс кивнул.

– Ты всегда была образцовым командным игроком, Девлин. Твоя гибкость замечена и отмечена.

Бла-бла-бла. Она сама чуть не закатила глаза, но вовремя опомнилась.

Разумно промолчав в ответ, она просто кивнула и покинула кабинет. Керри прошла по коридору и затормозила, оказавшись перед входом в кабинет, который они занимали вдвоем с Босвеллом. Стать детективом было ее целью с того самого дня, как она решила, что хочет быть полицейским. Назначение в только что созданный Спецотдел стало вишенкой на торте. Специальный отдел был единственным в своем роде и обслуживал не только сам Бирмингем, но и близлежащие окрестности, такие как Ховер, Маунтин Брук, Веставиа и полдюжины других. Только самые лучшие детективы из этих городков были отобраны для службы в отделе – наряду с лучшими представителями ДПБ¹. К ним попадали преступления, выходящие за рамки местной юрисдикции.

В первый же день они с Босвеллом поставили свои столы напротив друг друга, отодвинув к стене шкафы с папками, а в центр поместили информационную доску. Теперь Керри задумалась о перестановке. Личное пространство сильно облегчит жизнь, иначе ей придется сидеть с Фалько лицом к лицу и целыми днями пялиться на него.

Слава богу, большую часть дня они будут находиться вне офиса. С другой стороны, уйму времени придется провести в тесноте машины, плечом к плечу, занимаясь слезкой.

Керри глубоко вздохнула. Придется потратить массу усилий – и нервов, но, как бы там ни было, ее долг – заставить это навязанное партнерство работать. *Образцовый командный игрок*.

– Хей, Девлин, – подал голос ее новый напарник, когда она приблизилась к их общему кабинету. – Как прошла встреча с боссом?

Керри уставилась на него. Поскольку Фалько отсутствовал, когда ее вызвали к лейтенанту, очевидно, он ходил вынюхивал, куда она подевалась.

– Моя встреча с *боссом* – мое частное дело, Фалько. Тебе знакомо такое понятие?

Он поднял руки вверх в знак того, что сдается.

– Я понял, Девлин. Я совершенно не хотел лезть в твои дела.

Она с трудом удержалась от очередной колкости. *Не усугубляй, лучше воспользуйся ситуацией*. Когда-нибудь им придется обсудить его одежду и внешний вид. Потертые джинсы, мятые рубашки и потертые байкерские ботинки не подходят детективу, представляющему Спецотдел. Небритая физиономия и лохматая голова также никуда не годятся. Справедливости ради Керри напомнила себе, что Фалько был новенький. И в ее обязанности входило правильно его сориентировать.

– Ну, если у тебя не предвидится новых частных встреч, – Фалько поднялся и потянулся за винтажной кожаной курткой, – нам только что прилетело наше первое совместное дело. Убийство.

¹ Департамент полиции Бирмингема. – Прим. пер.

Стоп. Стоп. Стоп. Керри встряхнула головой.

– Откуда нам вообще могло что-то прилететь?

Он пожал плечами – в своей потертой кожанке, которая на поверку оказалась не такой уж винтажной, просто поношенной.

– Понятия не имею. Сержант Гордон вручил мне его буквально пару минут назад.

– Сайкс и Петерсон же свободны. – Керри только-только успела сдать отчет по делу Хейдена.

– Дело в том, – объяснил Фалько, – что Сайкс и Петерсон заняты ограблением в «Старбаксе» – зашли с утра кофейку выпить...

Прекрасно. Керри забрала ключи от машины, лежавшие на столе, и подхватила стаканчик с кофе, который купила по дороге и не успела еще даже попробовать.

– Поедем на моей.

Репутация совершенно безбашенного водителя бежала впереди Фалько. За пять лет службы он уже разбил два казенных автомобиля.

– Как скажешь. Я говорил тебе, что это двойное убийство?

Две жертвы? Плохо.

– Адрес?

Керри направилась к лестнице. Должно быть, есть какие-то особые обстоятельства, раз убийство попало в Спецотдел. Потому что обычно копы ревностно охраняют свою территорию. Никому не нравится, когда чужаки без веских на то оснований суют нос в твои дела.

– Ботаникал-плейс в Маунтин Бруке, – догнал ее Фалько. – Так, для справки, – искал тебя, чтобы сообщить.

Керри остановилась в дверях.

– Приятно слышать. Не хотелось бы думать, что ты шпионишь за мной уже на столь ранней стадии наших отношений.

– Отношений, – подмигнул он. – Красиво звучит, да, Девлин?

Помоги, господи. Возможно, ей все-таки придется его прибить.

Ботаникал-плейс,

Маунтин Брук

В Маунтин Бруке были дорогие особняки и *очень дорогие особняки*. Дом Эбботтов был *очень дорогим*. Великолепный, построенный в европейском стиле, он располагался среди величественных деревьев на одной из самых престижных улиц. Участок был обнесен забором, оборудованным предположительно новейшей системой безопасности. И тем не менее преступник как-то смог пробраться в дом и убить двух, а возможно, даже трех человек.

Керри вытащила бахилы и перчатки из старой коробки от салфеток, которая лежала на диване, заменявшем два передних кресла, и сунула их в левый карман вместе с блокнотом. Ключи она всегда держала с правой стороны, права и необходимые карточки лежали в тонком чехле для кредиток во внутреннем кармане. Керри никогда не покупала одежду без достаточного количества карманов, потому что ненавидела сумки, выделявшие ее на фоне детективов-мужчин. Все остальное необходимое лежало в машине. И это сильно упрощало ей жизнь.

Керри вообще ненавидела сложности, особенно в последнее время.

Она нажала на кнопку и захлопнула водительскую дверь. Фалько обогнул капот, и вдвоем они прошли по узкому газону, отделявшему дорогу от тротуара. Желтая лента растянулась перед домом – она начиналась там, где булыжный въезд сливался с дорогой. Керри кивнула патрульному, охранявшему периметр, и показала свое удостоверение. Прищурилась, пытаясь прочитать его имя на бейджике. Несмотря на то что до сорока ей оставалось еще целых четыре года, у нее уже начало портиться зрение. Окулист сказал бы, что пришло время разобраться с ее астигматизмом и перестать его игнорировать, но пока плохое зрение не так сильно пор-

тило жизнь, чтобы покупать очки или линзы. И очки, и плохое зрение ее раздражали. Может быть, не так сильно, как новый напарник, но, с другой стороны, между напарниками ведь всегда устанавливается особая связь. Керри взглянула на Фалько. Несмотря на все ее опасения и сомнения на его счет, как-то же он добился успеха? И презумпцию невиновности никто не отменял. Она натянула перчатки. Удивительно, какие чудеса творит с ее настроением большой стакан суперкрепкого кофе.

– Доброе утро, детектив Девлин.

Широкая улыбка патрульного подстегнула ее память, и в тот же момент она наконец смогла прочитать его имя.

– Доброе, Бейкер.

Три недели назад Бейкер первым прибыл на место убийства члена городского совета Хейдена. Она подумала тогда, что его, наверное, дразнили в детстве пекарем или кондитером². Хотя ничего плохого ни в том ни в другом нет. По крайней мере, его не обзывали дьяволом. Порой Керри спрашивала себя, для чего вернула девичью фамилию после развода.

А, ну да – мерзавец, за которого она вышла замуж, ей изменил. И она не хотела иметь с ним совершенно ничего общего – кроме дочери Виктории, разумеется. Тори была единственным плюсом их обреченного четырнадцатилетнего союза.

Почему ей понадобилось так много времени, чтобы понять, кем был на самом деле Николас Джекман? А может, он правильно упрекал ее в том, что она сама толкнула его на измену, потому что была заиклена на своей работе?

Ну конечно, он-то ни в чем не виноват.

Керри пролезла под желтую ленту и с трудом удержалась от того, чтобы не застонать, потому что мысль о разводе и ее неверном муже напомнила о более животрепещущей проблеме: их тринадцатилетняя дочь решила, что хочет провести лето с папочкой в Нью-Йорке. В самом деле, какая девушка не захочет сменить Бирмингем в Алабаме на Манхэттен? Тем более что папочкина новая фирма выделила ему квартиру в Верхнем Ист-Сайде с потрясающими видами на город.

Керри вновь ощутила шок, как утром, после заявления Тори. Слава богу, Керри настолько поразила эта идея, что она почти ничего не сказала, но у нее не было сомнений: Тори поняла, что они еще вернуться к этому вопросу. Ни за что Тори не поедет на целое лето к отцу. Только не в Нью-Йорк, не в его крутые апартаменты и особенно не к его молодой и красивой подруге, с которой он изменил.

Никогда.

Не то чтобы Керри была против общения дочери с отцом. Просто не желала играть в его игры. Больше всего на свете ему нравилось использовать дочь для своих манипуляций, чтобы в итоге добиться своего. Непонятно, чего именно он пытается добиться своим летним предложением, но Керри не сомневалась, что за ним стоит абсолютно эгоистичный мотив. Но что бы он там себе ни напридумывал, Керри не хотела, чтобы в результате страдала Тори. Тут требовалось найти компромиссное решение.

Офицер Бейкер и ее новый напарник все еще болтали, когда Керри двинулась к центральному входу. Арочный проем, ведущий к двери, был увит плющом, усиливая европейскую атмосферу. Начиная с маленького, но сочного газона перед домом и заканчивая железными ящиками для цветов, украшавших окна, снаружи все было безупречно подобрано и ухожено. Еще один полицейский ждал у двери. Керри сразу узнала ее – Таня Мэтьюз. Они много раз работали вместе, и Таня зарекомендовала себя как человек, способный подметить важные детали. Сейчас она сосредоточенно смотрела в свой блокнот.

² Baker – пекарь, булочник, кондитер (англ.).

– Доброе утро, офицер Мэтьюз. – Керри показала ей свое удостоверение из уважения. Безусловно, Мэтьюз узнала ее, так же как и Бейкер, – но это была стандартная процедура перед началом работы на месте преступления.

– Что у нас внутри?

Мэтьюз улыбнулась:

– Доброе утро, детектив Девлин, – и улыбка ее сразу увяла. – Муж и его пожилая теща застрелены насмерть. Жена исчезла. В доме все вверх дном. Но пропало ли что-нибудь, сказать сложно. Криминалисты будут через пять минут, судмедэксперт едет.

Черт. Керри ненавидела такие дела. Несмотря на столько лет в отделе убийств, она так и не могла уяснить, как кто-то может причинить зло ребенку или старику. В аду для таких было уготовано особое место.

– Пойдем посмотрим.

У дверей их догнал Фалько.

– Привет, Таня.

Мэтьюз кивнула ему, продолжая свой отчет:

– Хозяйская спальня на первом этаже. Я предполагаю, что убийца проник сначала туда.

Входная дверь вела в просторный холл. Лестница начиналась сразу слева. Там стояла скамейка, был встроенный шкаф и дальше за ним – туалет, а затем левая часть холла терялась в глубине восточного крыла. Направо холл извивался в сторону кухни. Прямо перед ними располагалась огромная гостиная. Надевая бахилы, Керри постаралась запомнить расположение комнат, видимых с ее позиции.

Они двинулись вперед, и Фалько пришлось натягивать свои бахилы, прыгая за Керри поочередно то на одной, то на другой ноге. Мэтьюз шла впереди, показывая дорогу. Она не преувеличила, когда сказала, что в доме все было вверх дном. Двери нараспашку. Содержимое полок сметено на пол: книги, фотографии в рамках, безделушки; ящики выдвинуты, как будто преступник повсюду искал что-то ценное.

Или что-то конкретное.

Они прошли мимо прачечной и двери, ведущей в гараж, и оказались перед входом в хозяйскую спальню в западном крыле огромного дома.

Металлический запах крови ударил Керри в нос, как только они приблизились к высоким двойным дверям. Мышцы напряглись от старой знакомой смеси ужаса и предвкушения.

Эту комнату преступник или преступники также обыскали. Двери гардеробной были распихнуты, все элегантные ящики комода выдвинуты, а их содержимое разбросано по полу.

Когда они подошли к огромной кровати, стоявшей у дальней стены комнаты, возле стеклянных дверей, ведущих на веранду, Мэтьюз сообщила:

– Бенджамин – Бен – Эбботт, сорок лет. Он был какой-то компьютерный гуру. Уже к тридцати стал мультимиллионером. Основал свою компанию в Сан-Франциско, но родом он из Бирмингема. Вернулся сюда примерно год назад. Его отец – Дэниел Эбботт. Тот самый. Он и есть главная причина, по которой убийство попало к вам в Спецотдел.

– Вершина пищевой цепочки в наших краях. – Керри встретилась взглядом с Таней.

– Она самая.

Предки Дэниела Эбботта были одними из основателей Бирмингема. Старые деньги. Власть. Значит, жди шумихи в прессе и давления сверху... Примерно так же было в прошлом месяце, когда она занималась расследованием убийства члена городского совета Хейдена, которое оказалось заказным самоубийством. Всю жизнь Хейден скрывал ото всех свое психическое расстройство. Даже его жена не имела понятия о демонах, с которыми он слишком часто и слишком долго сражался. Не в силах продолжать страдать в одиночестве и не желая подвергать семью последствиям самоубийства, Хейден нанял кого-то, чтобы его убили. Возможно, не последнюю роль в таком решении сыграли также страховые выплаты.

В конце концов все произошло именно так, как он планировал, однако Хейден совершил одну-единственную ошибку: пожадничал, нанимая убийцу.

Керри переключила внимание на первую жертву своего нового дела. Бен Эбботт был красив. Выглядел моложе сорока. Темноволосый, с короткой стрижкой. Загорелый и подтянутый. Дырка посередине лба не оставляла сомнений в том, как именно он умер. Глаза его были закрыты, грудь обнажена. Простыня была откинута до пояса, словно он только что лег в кровать. Со стороны могло показаться, что он просто спит, – если бы не дырка во лбу и не синюшность, уже появившаяся на спине и внутренней стороне рук, вытянутых вдоль тела. Никаких следов борьбы. Керри намеренно не обращала внимания на кровь на другой стороне кровати. Босвелл учил ее каждый раз сосредотачиваться на чем-то одном и, лишь собрав все возможные детали, переходить к следующему элементу. У него было очень простое правило: самый важный аспект сцены убийства – это тело или тела, все остальное вторично.

Керри опустилась на корточки рядом с кроватью. Она попробовала пошевелить пальцами правой кисти Эбботта, а затем чуть приподняла его руку. Пальцы застыли, но в более крупных мускулах не было напряжения. Он умер всего несколько часов назад.

– Похоже, его застрелили во сне.

Мэтьюз кивнула.

– Пожилой леди наверху повезло меньше.

Керри нахмурилась, немедленно представив себе чью-то отчаянную борьбу за жизнь. Взяла в руки фотографию в рамке, стоящую на тумбочке. У женщины на фото были длинные черные волосы и большие серые глаза. Она тепло улыбалась и выглядела молодой, здоровой и счастливой.

– Что мы знаем о жене? – Керри поднялась и посмотрела на Мэтьюз. Предположительно кровь на другой стороне кровати принадлежала женщине с фотографии.

– Села Роллинс Эбботт. Двадцать восемь лет, – сообщила Мэтьюз. – По словам домработницы, пара начала встречаться года полтора назад. Они поженились буквально через пару недель после знакомства. В домашнем офисе мужа куча ее призов за всю благотворительную работу, сделанную с переезда в Бирмингем. Там у них что-то вроде святилища.

Мэтьюз пожала плечами и продолжала:

– Мы пока что не нашли ее тело, но она должна была быть дома в тот момент, когда пришел убийца. – Она показала на другую сторону кровати, где кровь впиталась в простыню. – Очевидно, это не его кровь. А ее очки и телефон лежат на тумбочке, халат на кресле. И если вы посмотрите в ванной комнате, найдете там пустой футляр от ее фиксатора рядом с одной из раковин.

– Откуда такая уверенность, что это ее футляр? Может быть, он принадлежал покойному мужу, – вмешался Фалько.

Керри подавила вздох в связи с его манерой выражения. Сам вопрос был обоснованный, хоть он и подвергал сомнению способность Тани к анализу места преступления. Керри мысленно сделала себе пометку не забыть поговорить с ним о навыках коммуникации. Спецотдел находился под тщательным наблюдением. Детективы и так всегда старались демонстрировать эффективное взаимодействие в команде, но особенно это было важно, когда приходилось сотрудничать с местными полицейскими на их территории.

Мэтьюз секунду молча смотрела на Фалько, а потом ответила:

– Он розовый, и на нем есть стикер со словом «жена».

Керри подавила улыбку.

– Вы считаете, убийца забрал миссис Эбботт с собой?

– Мы не нашли ее тела, поэтому такое предположение логично. Впрочем, если только криминалисты не обнаружат с помощью люминола чего-то нового, что я пропустила. Я не

нашла следов волочения – вообще ни капли крови, которая могла бы указать на преступника, который утащил жертву с собой.

– Он мог во что-то ее завернуть... – Керри огляделась. – В плед или одеяло.

Когда она отошла от кровати, Фалько присел на корточки возле мертвого мужа и внимательно присмотрелся.

– Могу поспорить, это был двадцать второй калибр, – объявил он, поднялся и кивнул на жертву. – Стреляли в упор. Убийца прижал ему дуло ко лбу. Это было что-то личное, Девлин. Этот кто-то знал, что делает. Он не сомневался, иначе Эбботт бы проснулся и открыл глаза. – Фалько покачал головой. – А тут не было никаких сомнений. Наш стрелок подошел и шлепнул его, не моргнув глазом.

– Похоже на то, – согласилась Керри. – Но посмотрим, что скажут криминалисты и судмедэксперт, прежде чем делать выводы.

Следственные процедуры придумали не просто так. Этому она тоже научилась у Босвелла. Никогда не делай преждевременных выводов, никогда не бойся уточнить, иначе можно пропустить важную деталь, которая не влезла в первоначальный вывод.

– Двери на веранду были открыты, когда вы приехали на место преступления? – спросил Фалько, ничуть не смутившись от того, что Керри напомнила ему про протокол.

Мэтьюз кивнула:

– Да. Но следов взлома не было. И сигнализация не сработала. Я говорила с компанией, контролирующей системы безопасности, и они сказали, что система была отключена в пять утра. А камеры так вообще отключили несколько недель назад. И никто не потрудился снова их включить.

Могло ли быть так, что Села Эбботт проснулась, отключила систему безопасности, распахнула двери на веранду и обнаружила за ними убийцу? Или она вышла из этих дверей после того, как застрелила мужа и мать? Ранила ли ее мать во время борьбы? Но каким образом тогда кровь попала на кровать в хозяйской спальне?

Может быть, теще не нравился зять, и она его застрелила, а дочь получила ранение в последующей борьбе?

Если убийцей была жена, оставалась вероятность, что после борьбы с матерью угрызения совести привели ее обратно в спальню, к мужу, и нескольких минут, проведенных рядом с ним, оказалось достаточно, чтобы кровь попала на постельное белье. Люди делают странные вещи, когда доходят до края. Даже те, у кого нет психических отклонений, порой испытывают краткие угрызения совести, когда уже слишком поздно что-то менять.

За семь лет службы в полиции Керри насмотрелась всякого, чтобы сомневаться в такой возможности лишь по той причине, что пропавшая женщина приходится дочерью одной из жертв, или потому, что ее саму ранили. Люди делают ужасные вещи. Иногда это хорошие люди – может, даже святые, – которые оступились. Такое бывает в жизни. Но сначала необходимо отмести другие, более вероятные версии.

Керри снова оглядела комнату.

– А украшения? Деньги?

Мэтьюз указала на распахнутую дверь в гардеробную.

– Там есть огромная шкатулка для драгоценностей – больше похожая на маленький комод, – полная сверкающих камней. А сверху лежит ее кошелек. Кредитки и деньги – все внутри. И кошелек мужа тоже там. Кредитки и деньги тоже внутри, как у нее.

– На ограбление не похоже, – сказал Фалько, стоя у открытых стеклянных дверей.

«Определенно», – мысленно согласилась Керри. Обращаясь к Мэтьюз, она сказала:

– Давайте посмотрим на вторую жертву.

– Сюда. – Мэтьюз качнула головой в сторону двери.

Керри последовала за ней обратно в холл и дальше по лестнице вверх. К тому моменту, как они дошли до второго этажа, к ним присоединился Фалько.

– Я проверил снаружи, – сказал он, обращаясь к Керри. – Веранда у спальни выходит во двор. Ступеньки ведут к каменной дорожке. Кругом роскошные газоны, а клумбы засыпаны опилками. Там мы не найдем никаких следов.

Керри не удивилась. На подобных участках едва ли отыщется кусок голой земли, где можно было бы обнаружить след обуви. Иногда и самый роскошный пейзаж тебе не друг.

Наверху был кабинет и еще три спальни, каждая с ванной комнатой. Первая спальня принадлежала второй жертве.

– Это комната тещи. Жаклин Роллинс, – сказала Мэтьюз, задержавшись у входа в комнату. – Семьдесят лет. Она переехала сюда вместе с Эбботтами сразу после их медового месяца. У нее, очевидно, были проблемы со здоровьем. На тумбочке я нашла несколько серьезных лекарств. Я, конечно, не врач, но, – Мэтьюз сделала Керри приглашающий жест, – мой отец умер от рака легких. Я узнала некоторые таблетки. Что бы у нее ни было, она болела, и тяжело.

Керри остановилась в центре комнаты и огляделась. Пахло дезинфицирующими средствами, как в свежееубранной палате в больнице. Стены были покрашены в успокаивающий голубой цвет. Их украшали несколько акварелей с изображением пляжа и океана. В подтверждение слов Мэтьюз на прикроватной тумбочке стояло несколько баночек с лекарствами. Рядом с кроватью – ходунки. Покрывало смято, но самой жертвы нигде не было.

Взгляд Керри проследовал к приоткрытой двери в ванную.

– Она там?

Мэтьюз кивнула на дверь.

– В соседней комнате.

Судя по выражению ее лица, ужасы еще не закончились.

Мэтьюз первая прошла в следующее помещение – *детскую* – и указала на дверную ручку.

– На краске вокруг есть несколько царапин. Мне кажется, именно здесь она сломала ногти. Она, возможно, была в ужасе и пыталась открыть дверь. Кроме того, вот здесь есть маленький кусочек плоти, вероятно, кожи, – вот, на краю двери. – Она указала на место прямо над дверной ручкой.

– Она плохо соображала, – предположила Керри. – Но стремилась попасть в эту комнату не просто так. Только не говори мне, что еще и ребенок пропал. – От этой мысли у Керри сжалось все внутри.

– Не совсем так, – пояснила Мэтьюз. – Пропавшая жена беременна.

О господи.

Вторая жертва лежала на спине на полу в центре комнаты. Коса из седых волос, длинная бледно-розовая ночная рубашка, перепачканная в крови. Ей дважды выстрелили в грудь, прежде чем она сдалась. На лице были видны следы побоев.

Черт. Керри присела на корточки рядом с убитой. Два ногтя на правой руке были сломаны. Кроме того, на предплечье виднелась небольшая царапина. Возможно, она ободрала руку о дверной косяк. Запах мочи и фекалий дополнял металлический запах крови. Насильственный характер смерти смыл последние остатки достоинства с бедной женщины.

Керри поднялась, оглядела комнату, выкрашенную в пастельно-розовый и ярко-белый цвета. Выдохнула.

– Может быть, они собирались усыновить ребенка? Откуда мы знаем, что жена беременна?

– Витамины для беременных в хозяйской ванной внизу, – ответила Мэтьюз. – И фотография, где они с мужем рассматривают картинку с УЗИ. Стоит на комод, вон там. – Она кивнула на блестящий белый комод у противоположной стенки.

Эта новость добавила еще один пласт версий к делу.

– Возможно, мы имеем дело с извращенцем, которому нужен был только ребенок, которого она вынашивает, но ведь есть другие способы похищения, проще... – Керри трудно было смириться с подобной идеей. – Прийти в дом и уничтожить целую семью, мне кажется, перебор.

Фалько дотронулся до подвесной игрушки над кроватью, и та начала медленно вращаться.

– А может, беременная девушка поехала крышей и уколошила всех.

Такое тоже было возможно. Керри подошла к кровати и, глядя на пеленки с единорогами, начала мысленно составлять ориентировку по Селе Эбботт. Обращаясь к Мэтьюз, она сказала:

– Мы знаем, на каком она месяце?

– Дата родов, записи на прием к врачу и информация про ее гинеколога – все у нее в телефоне. Она на тридцатой неделе.

Керри стало нехорошо. Пока у нее были основания, она собиралась рассматривать пропавшую жену как жертву, а не как убийцу или пособницу. Учитывая беременность, Керри не могла себе представить эту женщину всаживающей пару пуль в собственную мать, по крайней мере без серьезного мотива, особенно в детской. Супруги постоянно убивают друга, однако дочери расправляются с матерями значительно реже. Кроме того, пистолет – не самое очевидное оружие для женщины, решившей избавиться от членов своей семьи. Яды пользуются гораздо большей популярностью. Иногда ножи. С другой стороны, Керри совсем ее не знала. Может, она выросла с пистолетом под подушкой? Что, если ее отец или братья были охотниками? Она могла посещать тир так же регулярно, как некоторые свои книжные клубы.

В любом случае, два человека были мертвы.

– У жены есть еще какие-нибудь родственники?

Мэтьюз покачала головой.

– По словам домработницы, мать была ее единственной родственницей, помимо мужа.

– А что слышно от соседей? – спросила Керри с надеждой.

– Мы обошли ближайшие дома, но никто ничего не видел и не слышал.

Плохо, что соседи не слышали выстрелов, но Керри это не удивило. Она работала в похожих районах и раньше. Роскошные дома строили из звуконепропускаемых материалов на приличном расстоянии друг от друга, что обеспечивало полную приватность. Даже пейзаж здесь создавался с мыслью о неприкосновенности частной жизни.

Керри сделала полный оборот вокруг своей оси, запоминая печальную сцену, а затем переключила внимание на Фалько.

– Охранная фирма говорит, что сигнализацию отключили в пять утра. Убийца вошел внутрь и застрелил мужа, предположительно воспользовавшись глушителем, чтобы никого не разбудить в доме. После этого он поднялся вверх за тещей. Она его удивила, поскольку не спала. Может, не было никакого глушителя, и она услышала первый выстрел. Теща сопротивлялась, пыталась убежать, и потребовались еще два выстрела, чтобы ее остановить. Что же он, черт возьми, сделал с женой, если предположить, что она – не убийца?

Убийство не бывает хорошим или добрым, но есть что-то совершенно абсурдное в том, что убийцей становится член семьи.

– Я полагаю, мы не сможем ответить на этот вопрос, пока не поймем зачем. – Фалько посмотрел на Керри, потом повернулся к Мэтьюз. – Кто их нашел? Вы упомянули домработницу?

– Домработница пришла в восемь, – подтвердила Мэтьюз. – Через несколько минут она почувствовала, что что-то не так, пошла в спальни и обнаружила там тела.

Помимо того факта, что по крайней мере два человека были мертвы и пропала беременная женщина, само место преступления чем-то смущало Керри. Что-то здесь не так.

– Как Бен Эбботт мог не услышать отключение сигнализации, если пульт находится в спальне рядом с кроватью? Они с женой должны были услышать писк, если в тот момент лежали вместе в постели.

– Только если не спали, – возразил Фалько.

Но Керри не согласилась.

– Ты бы сам не проснулся?

– Зависит от того, принимал ли я накануне снотворное или просто переусердствовал с пивом. Возможно, пара-тройка бокалов вина... Мне кажется, такие люди должны предпочитать вино.

Керри нахмурилась.

– А мне кажется, что бы они там ни съели и ни выпили накануне вечером, к пяти утра все должно было рассосаться.

Фалько кивнул.

– Логично.

– Кроме того, – развила свою мысль Керри, – жена беременна – она не должна была пить.

– Это не значит, что она не пила, – возразил Фалько.

– Логично, – закончила Керри.

– А зачем так стремиться в эту комнату? – спросил Фалько, снова оглядывая детскую. – Здесь ведь еще не было ребенка, который нуждался в защите.

Керри взглянула на комнату в свете этого вопроса.

– Может, она думала, что убийца не станет ее здесь искать?

Фалько подошел к двери гардеробной. Керри присоединилась к нему, неожиданно сообщив, что именно он хочет увидеть.

– Тут есть выход на чердак. – Он стал на четвереньки и потянул на себя дверцу. Чердачная жара немедленно наполнила гардеробную. Ее новый напарник поднял голову: – Здесь вполне можно спрятаться.

– Она прибежала в детскую, чтобы спрятаться там, где, она надеялась, убийца не будет ее искать, – заключила Керри.

Он кивнул.

– Что означает – она слышала выстрел, убивший первую жертву внизу.

Если преступник не пользовался глушителем, лаборатория легко подтвердит это предположение, как только пули извлекут из тел.

– Пошли поговорим с домработницей.

Когда они вышли из гардеробной, Мэтьюз сказала:

– Она внизу, на кухне.

Керри кивнула. Возможно, она сможет пролить свет на то, кому понадобилось убивать этих людей.

Или на то, кто мог хотеть забрать себе что-нибудь, принадлежащее им.

Внизу уже появились криминалисты. Керри разрешила следователям начинать. Следом поднялся судмедэксперт с ассистентом. Фалько пошел с ними, а Керри направилась в кухню вместе с Мэтьюз, чтобы допросить домработницу.

Офицер Мэтьюз представила их друг другу. Керри взяла стул и села за стол напротив женщины, которую звали Илана Дженкинс. По словам Мэтьюз, ей было шестьдесят семь лет, и почти всю свою взрослую жизнь она работала домработницей, в основном в семействе Эбботтов. Она ушла на пенсию в шестьдесят пять, но Бен Эбботт, переехав в Алабаму, убедил ее вернуться на работу и подождать, пока он не найдет подходящей замены. Узнав, что миссис Эбботт ждет ребенка, Дженкинс решила остаться еще на некоторое время.

Керри перешла к вопросам посложнее.

– Я знаю, как вам сейчас тяжело, миссис Дженкинс, и мы искренне ценим вашу помощь. Не знаете ли вы, по какой причине кто-то мог хотеть причинить зло мистеру Эбботту или его семье?

Дженкинс покачала головой. Глаза у нее были красные и опухшие от слез.

– Они такая прекрасная семья... Были прекрасной семьей. Миссис Эбботт тратит все свое время на фандрайзинг, помогая другим. Она говорила, это меньшее, что она могла сделать после того, как ей повезло. Она такая славная. Я надеюсь, с ней все хорошо. – Ее лицо искажилось от горя. – Я не могу поверить, что это все на самом деле.

Керри сохраняла нейтральное, но внимательное выражение лица. Сообщать этой женщине, что пропавшая миссис Эбботт могла сейчас находиться в разных состояниях, вот только «все хорошо» к ним явно не имело отношения, было незачем. Она либо незаметно от всех лишилась рассудка, либо стала заложницей. Либо, что еще хуже, третьей жертвой в этом деле.

– Насколько крепким был этот брак?

Дженкинс снова покачала головой.

– Они были безумно влюблены друг в друга. Я никогда не встречала настолько преданную друг другу пару. Спросите у кого угодно из их знакомых.

Итак, получалось, это была идеальная пара с идеальной жизнью. К сожалению, половина этого уравнения мертва – убита. Но в такой идеальной жизни убийство – редкий гость. Где-то посреди этой идеальности должен быть изъян, брешь... какая-то проблема.

– А как насчет работы мистера Эбботта? – спросила Керри.

Обилие ссылок, обнаруженных Фалько в интернете по пути сюда, однозначно указывало на компьютерный мир. Очевидно, программы Эбботта для смартфонов и других гаджетов привели его в этот мир больше десяти лет назад. По последней оценке его состояния, он был одним из самых богатых людей на планете. Если бы Керри спросили о ее предположениях, она бы сказала, что всему виной могущество и богатство – вот откуда беда высунула свою уродливую голову. К сожалению, очень часто подобное уродство выбирает мишенью именно частную жизнь.

– Никаких проблем, – повторила домработница. – Он много путешествовал, но никогда не упоминал про проблемы. Никогда. Вы должны мне верить, – с убеждением сказала она вдруг окрепшим голосом. – Эбботты – последние люди на земле, которым кто-то захочет причинить зло, не то что убить.

– А близкие друзья? – Керри перелистнула страницу в своем блокноте. – Были какие-то друзья, с кем бы они общались больше, чем с другими? Родственники, которые приезжали бы регулярно, помимо миссис Роллинс?

– У них было много друзей. – Дженкинс распрямилась, но снова поникла. – Время от времени приезжали его родители. Но в основном Бен и Села ездили к ним на семейные обеды. А кроме них, из родственников больше никого и нет.

– Миссис Дженкинс, как бы это ни было трудно, нам бы очень помогло, если бы вы прошли по дому и сказали нам, пропало ли что-нибудь, насколько вам известно.

Она кивнула:

– Да, конечно. Все, что смогу, чтобы помочь.

Ответы на оставшиеся вопросы не открыли ничего нового. Люди просто души в Эбботтах не чаяли. Их все обожали и уважали.

Все, кроме одного – того, кто желал им смерти. Или только мужу.

И неважно, что Села Эбботт исчезла. Керри нутром чувствовала: если только она не замешана в убийствах каким-то образом, она тоже мертва – или скоро будет.

Керри пообщалась с судмедэкспертом, Джефффри Муром, который согласился с предположением, что мужа убили во сне, одним выстрелом в голову, вероятно, пистолетом 22-го калибра. Гибель пожилой женщины оказалась гораздо более драматичной, поскольку преступ-

ник, очевидно, разбудил ее. Эксперт определил время смерти между четырьмя и семью утра, но поскольку сигнализацию отключили в пять, он предложил считать, что смерть наступила с пяти до семи.

Если только преступник не находился в доме с вечера, когда включили сигнализацию, и не был вынужден ждать всю ночь, чтобы сделать свое черное дело. Конечно, оставалась возможность, что он ждал какого-то знака. Например, сигнала об окончании сделки. Или просто набирался мужества, перед тем как совершить то, зачем пришел.

Прежде чем покинуть дом Эбботтов, Керри присоединилась к Тане Мэтьюз и Дженкинс, которые совершали обход дома, и снова спросила, не оставался ли недавно кто-нибудь, кроме тещи, у Эбботтов ночевать. Друзья из-за города, которые приехали погостить на несколько дней. Кто угодно.

Дженкинс задумалась ненадолго и сказала, что у Эбботтов почти никогда никто не оставался на ночь. А если кому-то и случалось, то, как правило, это были деловые партнеры из Калифорнии, однако за прошедшие несколько месяцев никто не приезжал. Последний раз, кажется, кто-то оставался ночевать на Рождество.

Вероятно, будущий убийца узнал код от сигнализации во время своего предыдущего визита. Или же ему сообщил его кто-то из obsługi, а может, и из охранной фирмы. Керри попросила Дженкинс составить список друзей, которые приходили к Эбботтам в гости, всех сотрудников, ненадолго заходивших или работавших в доме, а также всего обслуживающего персонала.

Следующим шагом станет уведомление родителей Эбботта – ее самая нелюбимая обязанность. Но сделать это было необходимо, и часто именно в минуты, предшествующие трагическим новостям, опытному глазу открывались какие-то существенные детали. Исполнив эту неприятную обязанность, Керри намеревалась посетить место работы убитого, компанию «Эбботт Опшенс».

На улице у дома прибавилось микроавтобусов с логотипами местных телеканалов, и полицейские сдерживали журналистов. Два – нет, три – новостных канала уже были тут как тут. Четвертый логотип Керри не узнала. Она проскользнула к себе за руль и завела «Вагонер».

Фалько плюхнулся рядом на пассажирское кресло и закрыл дверь.

– Он тот, кто придумал софт, который не дает тебе пользоваться телефоном, пока ты за рулем.

Керри переключила передачу.

– У компании, которая разрабатывает такую продвинутую и популярную технологию, должна быть масса врагов.

– Еще бы, – согласился Фалько. – Грызутся, как собаки, Девлин.

Не успела Керри отъехать, как завибрировал ее телефон. Она нажала на тормоз и взглянула на экран.

Амелия.

Керри улыбнулась. Всего пару недель назад ее племянница, только что закончившая школу, начала работать на полную ставку стажером в фирме «Йорк, Хаммонд и Голдман», лучшей адвокатской конторе в Бирмингеме. Осенью ее ждал Принстон – Амелия получила полную стипендию. Керри до сих пор полагала, что ее сестра так и не оправилась от шока, после того как ее красавица-дочь отказалась от карьеры в танцах, на что так надеялась ее мать. Но нет. Амелия любила закон и хотела использовать его, чтобы помогать людям. Девочка постоянно протестовала против чего-нибудь или кого-то поддерживала. На самом деле она начала работать в «Йорк, Хаммонд и Голдман» еще в январе, через неделю после того, как закончились занятия в школе, и сейчас уже действовала скорее как адвокат, а не как тинейджер.

Керри видела в Амелии себя в том же возрасте.

С недавних пор Тори изо всех сил старалась не быть похожей на свою мать. Керри не понимала, почему ее собственная дочь вдруг поверила, что мама – самый главный враг. Переходный возраст дочери оказался труднее, чем Керри ожидала, особенно после развода. И она отчаянно пыталась найти способ преодолеть пропасть, возникшую между ней и Тори.

Керри открыла эсэмэску от племянницы:

Не забудь заказать торт на годовщину свадьбы мамы и папы! Люблю!

Ах ты, черт. Керри напрочь забыла про торт. Правда, у нее оставалась еще куча времени, ведь вечеринка намечалась через неделю с лишним. Но больше забывать нельзя.

Уже заказываю!

Керри отправила сообщение и бросила телефон на сиденье. Она решила заехать в кондитерскую по дороге. Иначе снова забудет.

– А знаешь, Девлин, – заговорил Фалько, – ты ведь можешь решить эту проблему всего одним звонком, если только разрешишь мне сесть за руль.

– Читаешь мои сообщения? – Она наконец отъехала от особняка Эбботтов и с подозрением посмотрела на нового напарника.

Проезжая мимо журналистов, Керри намеренно игнорировала крики репортеров и вспышки фотокамер.

– А что мне еще делать?

Она на минуту задумалась. Фалько был прав. Она могла бы сэкономить время.

– Блокнот с ручкой под рукой?

Он полез в карман.

– Что я делаю? Составляю список?

– Да. Десять человек. Бисквитный торт с белой глазурью. «С годовщиной, Диана и Робби». Надпись должна быть желтой – это любимый цвет моей сестры. Мне нужно будет забрать его до полудня в субботу, 16-го. Место называется «Торты мечты» на Оксмор-роуд. Я уверена, ты сам найдешь номер.

Она заказывала в этой кондитерской абсолютно все торты с тех пор, как родилась ее дочь. Сестре тоже нравилось это место.

– Слушаюсь, мэ. – Фалько натянуто улыбнулся.

Может быть, на будущее это отучит его совать свой нос в ее личные дела.

3

11:30

Компания «Эбботт Опшенс»

Первая авеню, Юг

Керри припарковалась на стоянке у «Эбботт Опшенс». Пока они ехали, позвонил лейтенант – сказать, что начальник полиции лично посетил родителей Бена Эбботта и сообщил им о смерти сына, что было весьма досадно. Но это оказалось лишь мелкой неприятностью по сравнению с распоряжением начальника полиции, запрещающим беспокоить Эбботтов до завтрашнего утра. Другими словами, Керри не могла опросить их сегодня. А вот это уже было просто абсурдно. Тот факт, что Эбботты богаты и влиятельны, не давал им права на специальное обхождение по делу об убийстве.

Хотя, судя по всему, еще как давал. Черт. Каждого выжившего члена семьи Эбботта, каждого близкого друга или делового партнера – всех надлежало тщательно проверить. И никого нельзя было пропустить или оставить на потом. *Каждый*, кто знаком с жертвой или жертвами, на этой стадии являлся потенциальным подозреваемым. Керри выдохнула и перевела взгляд на место, откуда Бен Эбботт осуществлял свою международно признанную коммерческую деятельность. Элегантное здание из бетона и стали, в котором обосновалась компания «Эбботт Опшенс», соседствовало с главной достопримечательностью Бирмингема – Доменными печами Слосс³. Это был относительно новый дом, построенный пару лет назад компанией, занимавшейся дизайном интерьеров. Согласно информации, найденной Фалько в интернете, Эбботт прибыл в Бирмингем в начале прошлого года и сделал дизайнерам предложение, от которого они не смогли отказаться – и быстренько освободили помещение. Еще одно доказательство того, что Бен Эбботт всегда получал что хотел, даже несмотря на отсутствие рыночного предложения.

– Ух ты, Девлин, – воскликнул Фалько, пока она парковалась. – Смотри, у них на крыше стеклянная терраса, специально для вечеринок, корпоративов и обедающих с бокалом вина клиентов. – Он сунул ей под нос свой телефон. – Оцени, какой оттуда открывается вид на город. – Он постучал по экрану. – Один Слосс чего стоит. Неудивительно, что парень захотел это место.

– Отличный вид, – согласилась Керри. – Ничего не накопал, что намекало бы на серьезные проблемы с прежними владельцами?

Фалько покачал головой.

– На самом деле, жена предыдущего владельца и наша потеряшка недавно вместе делали большой фандрайзинговый проект – на прошлое Рождество. Ну, знаешь, чтобы Санта пришел к каждому ребенку...

– Добавь их в наш список тех, кого надо опросить.

– Уже.

– Спасибо.

Оставаясь за рулем, Керри пристально изучала минималистичный подход к ландшафтному дизайну и современной архитектуре.

– Совсем непохоже на то, что мы видели у него дома.

³ Национальная историческая достопримечательность Бирмингема, штат Алабама, Доменные печи Слосс входили в состав функционирующего комплекса по производству чугуна с 1882 вплоть до 1971 года. После закрытия производства Печи стали одним из первых в США промышленных комплексов, который решили оставить для публичного доступа. В 1981 году, то есть 10 лет спустя после закрытия, комплекс получил статус Национальной исторической достопримечательности от Министерства внутренних дел США.

– Я тут подумал, что, возможно, место преступления – это вообще всего лишь временное пристанище. У меня есть свой человек в департаменте регистрации имущества, ну я и попросил проверить, нет ли у покойника еще какой-нибудь недвижимости. Выяснилось, что Эбботт недавно купил дом на Уиспер-Лейк-серкл. Мой контакт говорит, он обратился за разрешением снести имеющиеся строения. А поскольку коммерческой недвижимости там нет, только жилой фонд, сдается мне, он собирался строить новый дом.

Информация могла оказаться не слишком важной, но знать об этом следовало.

– Надо бы съездить и туда тоже. Осмотреться. Пообщаться с его подрядчиком.

Они вышли из машины.

– Твой контакт знает имя подрядчика?

– Конечно, она знает. – Фалько ухмыльнулся и подмигнул. – «Кризман и Кольер».

И прежде, чем Керри успела что-то сказать, добавил:

– Я внес их в список тех, кого надо опросить.

Кажется, Керри недооценила его способности и рабочую этику. В таком случае она была рада ошибиться.

Внутри мраморную стойку администратора окружали стекло, металл и бетон. Когда они подошли, навстречу им с ультрамодного прозрачного стула поднялся молодой человек лет двадцати пяти. На фоне серого костюма, плотно облегающего фигуру, и свежей белой рубашки выделялся яркий галстук цвета фуксии, который и завершал композицию.

– Доброе утро, меня зовут Brent. Добро пожаловать в «Эбботт Опшенс». Чем я могу вам помочь? – Он переводил взгляд с Керри на Фалько и обратно.

Керри показала свое удостоверение.

– Я детектив Девлин, это – детектив Фалько. Нам надо поговорить с тем, кто у вас тут сегодня утром за старшего.

Brent моргнул, словно пытаясь сообразить, что именно от него требуется, а скорее – переварить тот факт, что к нему нагрянули полицейские.

– Конечно. – Он поднял трубку и объявил: – Я отправляю к вам в офис детективов Девлин и Фалько из нашего уважаемого ДПБ.

Повесил трубку и показал жестом направо.

– Лифт отвезет вас на четвертый этаж. Марселла Гиббонс будет ждать вас там.

– Спасибо. – Керри прошла по гладкому бетонному полу к единственному лифту.

Как только они с Фалько остановились перед ним, двери открылись автоматически. Они вошли в сияющую, ультрасовременную стальную кабину – а чего еще она, собственно, ожидала?

– Сдается мне, он сам знает, на какой этаж нас везти, – пробормотал Фалько.

И оказался прав. Ни панели с кнопками, ни микрофона – ничего не было видно. Только гладкие стальные стены, сиявшие, как зеркало.

– Похоже на то.

Лифт двинулся вверх и через несколько секунд плавно остановился. Двери разъехались в стороны. В коридоре их ждала высокая худощавая женщина.

– Добрый день, я Марселла Гиббонс, личный помощник мистера Эбботта. Пожалуйста, следуйте за мной.

Керри с Фалько обменялись взглядами и пошли за ней. Хотя и несколько старше юноши, пославшего их сюда, она все еще была молода. Вероятно, лет тридцать. Так же, как и администратор внизу, она носила облегающее платье, которое тем не менее выглядело вполне скромно: юбка по колено, рукава в три четверти и высокое горло. Платье было черное, как и ее волосы – короткое стильное каре. И практичные балетки в цвет платья.

На этом этаже лежал ковер, но цвета он был почти такого же, как бетон в лобби. Рабочее пространство разделяли стеклянные перегородки, что придавало прозрачности новое зна-

чение. Пока что все, кого они видели в мини-офисах, едва тянули на тридцать лет. Все были стильно одеты и казались очень занятыми.

Дойдя до конца коридора, они оказались перед двойными стеклянными дверями, которые сами разъехались в стороны, открывая переговорную. Гиббонс прошла в комнату и жестом указала на длинный стеклянный стол.

– Пожалуйста, садитесь на любое место.

Фалько зашел вслед за Керри, и они оба заняли первые попавшиеся им на пути стулья. И здесь они были прозрачными – сидишь словно на воздухе.

– Хотите воды или кофе? – спросила Гиббонс. – Может, горячего чаю?

– Нет, спасибо, – сказала Керри. Фалько также отказался.

Гиббонс взяла со стола пульт и нажала на кнопку – прозрачные стены потемнели, отгородив переговорную от остального этажа. Она села во главе стола.

– Чем я могу вам помочь, детективы? Я полагаю, ваш визит связан с публичным конфликтом, который произошел между мистером Эбботтом и мистером Томпсоном. Мистер Эбботт отсутствует в данный момент, но я постараюсь, насколько смогу, ответить на все ваши вопросы. Я была рядом с ним, когда это случилось.

Фалько коротко взглянул на Керри. Именно это она имела в виду, когда злилась из-за того, что лишилась возможности уведомить родителей Эбботта. При разговоре с полицией большинство людей сами немедленно выдают информацию о происшествии, которое, по их мнению, может являться причиной визита. Это своего рода защитный инстинкт. А если таких происшествий было несколько, они всегда – *всегда* – рассказывают о самом незначительном.

– Мисс Гиббонс, для начала – изложите нам вашу версию событий, – предложила Керри так, словно прекрасно понимала, о чем идет речь.

– Да, конечно. – Она села ровнее. – Мистер Эбботт приобрел в собственность участок на Уиспер-Лейк-серкл с намерением разрушить старый дом и все остальные постройки, а затем – и это была его главная цель – построить там новый, современный «умный» дом. Когда мистер Томпсон узнал об этом приобретении, они с мистером Эбботтом сильно поспорили.

Керри, как и любой житель Бирмингема, разумеется, знала имя Томпсона.

– Мы говорим о мистере Теодоре Томпсоне, баллотирующемся в Сенат, или о его отце, баллотирующемся на пост губернатора?

– О сыне, Тео. – Ее голос не изменился, однако лицо мисс Гиббонс выражало явную неприязнь к этому человеку.

– Ваш босс купил этот участок у Томпсона? – спросил Фалько.

– Нет. – Гиббонс положила руки на стол. – Дом был построен родителями супруги мистера Томпсона. После того как несколько лет назад умерла ее мать, миссис Томпсон решила его продать. Проблема возникла, когда мистеру и миссис Томпсон стало известно, что мистер Эбботт выкупил землю у новых владельцев и собирается сломать существующий дом. Очевидно, миссис Томпсон не понравился этот план, и она захотела выкупить участок обратно.

– Когда и где случился этот спор? – спросила Керри.

– Это случилось на благотворительном вечере на прошлой неделе. Миссис Эбботт неважно себя чувствовала, так что я сопровождала Бена – мистера Эбботта – вместо нее. Мистер Томпсон подошел к нему на террасе и потребовал, чтобы он не разрушал дом, а продал ему. Мистер Эбботт отказался, и они обменялись парой-тройкой горячих реплик. Мистер Томпсон пригрозил обратиться в суд, чтобы остановить строительные работы, а потом ушел. Я не думаю, что кто-то из гостей мог видеть или слышать их ссору, но это были несколько очень неприятных минут.

– Случалось ли мистеру Эбботту и мистеру Томпсону спорить и раньше? По вопросам бизнеса или по личным делам? – Керри догадывалась, что, скорее всего, эти семьи хорошо

знали друг друга. Тео Томпсон был лет на пять старше Бена Эбботта, но отцы у них примерно одного возраста. Маловероятно, что они не знают друг друга. В конце концов, они точно встречались в одних и тех же социальных кругах.

Гиббонс решительно покачала головой.

– Все нет. Мистер Эбботт – человек абсолютно мирный. Все его любят. И хотя мистер Томпсон намного старше него, обе семьи, Эбботты и Томпсоны, знают друг друга не один десяток лет, – сказала она, подтверждая заключение Керри. – Мне показалось, – продолжала Гиббонс, – что мистер Томпсон много выпил в тот вечер и потерял самоконтроль. Учитывая его планы занять место отца в Сенате, я была крайне удивлена тем, что он позволил себе такое поведение, особенно на публике. Он что, все же обратился в суд? Поэтому вы здесь? Он угрожал, так что мы совершенно готовы ответить тем же.

Фалько наконец оторвался от своего телефона. Керри подозревала, что он уже загуглил благотворительный вечер, проверяя, не было ли в прессе сообщений о ссоре.

– Мистер Томпсон полагает, что ваш босс надавил на прежних владельцев, – заявил он.

Мисс Гиббонс потемнела лицом.

– Да, он намекал, но это абсолютная ложь. Мистер Эбботт хотел купить этот участок, поэтому он просто предложил владельцам такую цену, что они не смогли отказаться. С его стороны не было совершенно никакого давления или запугивания.

– Вы имеете в виду, что он заплатил им раз в десять больше того, сколько эта земля реально стоила? – Фалько повернул экран к Керри и одними губами произнес: – Вау.

– По-видимому, это у него такая привычка?

– А что, закон запрещает платить больше реальной стоимости? – спросила, очевидно опешив, мисс Гиббонс. – Мистер Эбботт никогда бы не стал нарушать закон. А что касается реакции мистера Томпсона на его планы – она совершенно необоснованна. Если они с женой так привязаны к этому дому, зачем они вообще стали его продавать? Я уверена, за всем этим стоит его жена.

– Мисс Гиббонс, – сказала Керри, смягчаясь, – мы здесь не по поводу ссоры, которую вы описали, и не из-за приобретения собственности. Если против мистера Эбботта и были совершены какие-либо юридические действия, нам об этом ничего не известно.

Гиббонс заметно занервничала и переводила взгляд с Керри на Фалько и обратно.

– Я не понимаю.

– Были ли у мистера Эбботта назначены какие-нибудь ранние встречи на сегодняшнее утро? – спросила Керри. – Или, возможно, на вчерашний вечер? Не в офисе, я имею в виду. – Как только они сообщат ей новость, про вразумительные ответы можно будет забыть.

Гиббонс покачала головой.

– Последняя встреча у него состоялась вчера в шесть вечера. Видеоконференция с офисом в Сан-Франциско. Сегодня он должен был прийти к девяти, но еще не появлялся. Я звонила ему, но он не ответил. – Ее глаза вдруг расширились. – Все в порядке? Миссис Эбботт ведь ждет ребенка, и...

– Он часто опаздывает? – спросила Керри, возвращаясь к более актуальным вопросам. – Поздно приходит или, может, занимается сначала какими-то личными делами и не сообщает вам об этом?

Гиббонс не сводила с Керри глаз, и во взгляде у нее появилась неуверенность.

– Нет. Никогда. Он необычайно пунктуальный человек и любит первым узнавать все новости. И он всегда сообщает мне о своих планах. – Она нахмурилась в замешательстве. – Что происходит?

– Мисс Гиббонс, мне очень жаль, но сегодня утром мистер Эбботт был убит в собственном доме, как и его теща. Его жена, Села, пропала.

Гиббонс застыла в шоке на мгновение, а затем разрыдалась.

Керри дала ей возможность немного прийти в себя, а потом продолжила:

– Сегодня нам потребуется от вас несколько вещей. Во-первых, список проблем, которые могли быть у мистера Эбботта или его жены, профессиональных или личных, неважно. Имена всех сотрудников, имевших доступ в его дом, и тех, у кого были с ним не только деловые отношения.

– А также характер ваших с ним отношений, – вставил Фалько.

Гиббонс замерла с открытым ртом.

– Вы серьезно?

– Я не могу выразить, насколько нам важно узнать все, что возможно, о его семье. Любая малейшая деталь может помочь нам найти человека, совершившего это ужасное преступление.

Гиббонс с трудом кивнула.

– Все, что вам нужно. Но я не понимаю, как это возможно.

– Что вы имеете в виду? – спросила Керри.

– Как это могло случиться? У мистера Эбботта нет врагов. Все его любят.

«Наверное, – подумала Керри. – Кроме того, кто вlepил пулю ему в лоб».

4

12:00

Адвокатское бюро «Йорк, Хэммонд и Голдман»

Двадцатая стрит, Север

Старейшее и самое престижное адвокатское бюро во всем штате. Тео Томпсон стоял у исторического здания из известняка, и впервые табличка с выгравированными именами и то, что эти имена олицетворяли, не могли его успокоить. Как пережить эту кошмарную бурю, которая вот-вот на него обрушится? Тео провел утро на встречах с наиболее влиятельными своими сторонниками. Все они жаловались на то, что цифры недотягивают до золотого стандарта, заданного его отцом десятки лет назад. Его цифры шли вверх, черт возьми. Но не так быстро, как хотелось бы этим стервятникам. И самое поганое – ему во что бы то ни стало требовалось разобраться с Эбботтом. Мерзавец пригрозил сделать все достоянием общественности. Напрямую он этого не сказал, но несколько раз повторил, что у него есть доказательства...

Однако больше всего Тео пугала мысль, что Эбботт мог говорить правду...

И как будто этого было мало, его жена заявила, что уйдет от него, если Тео проиграет выборы в Сенат. Она собиралась в один прекрасный день стать первой леди штата, и не дай бог он посмеет лишить ее этого шанса. Тео закрыл глаза и покачал головой. Неужели он когда-то любил эту бессердечную суку?

Он устало вздохнул. На самом деле он никогда ее не любил. Их брак был предрешен, когда они учились в школе. Единственный наследник Томпсонов должен был жениться на старшей из сестер Болдуин.

И вот по прошествии двадцати пяти лет Тео, бывало, задавал себе вопрос: не слишком ли высокую цену он заплатил?

Никогда еще Тео не ощущал такой беспомощности. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Но сейчас, впрочем, как и всегда, у него не было выбора. Поддержка ее семьи была так же необходима для продвижения его карьеры, как и других сторонников, с которыми он сегодня утром встречался. Если он не разберется с Эбботтом, все будет потеряно. Он проиграет, выронит из рук факел семейной традиции.

Тео не мог этого допустить.

Собрав остатки выдержки, он толкнул золотые двери и решительно пересек мраморное лобби. Девушка-администратор за стойкой подняла голову и улыбнулась ему. Разумеется, она была молода и красива. Йорк, Хэммонд и Голдман не нанимали уродин. Только самых милых и талантливых.

– Мистер Йорк ожидает вас, – сказала она.

Тео кивнул ей и направился к лифтам в дальнем конце лобби. Нажал на кнопку и стал ждать. Портфель у него в руке, казалось, весил тысячу фунтов, хотя на самом деле в нем не было и десяти.

Тео чертовски устал от того, что все, абсолютно все вдруг пошло наперекосяк. В кого он превратился? С каких пор начал принимать неверные решения? Ведь он не собирался становиться похожим на отца. Он, конечно, сказал бы, что главное в таких случаях – не быть пойманным. Подонки. Сейчас все устроено по-другому, чем сорок лет назад. Со всеми социальными сетями и абсолютной беспардонностью репортеров припрятать неприглядный секрет подальше от досужих глаз стало практически невозможно.

И вероятность того, что ему пришел конец, была высока как никогда.

Сияющие золотые двери, в которых отражалось его отчаяние, разошлись в стороны, и Тео вошел в роскошную, обшитую панелями кабину и нажал номер восемь. Прислонился к стене и стал ждать, когда лифт с характерным звуком тронется вверх. Он плохо выглядел. Мешки

под глазами. Общая бледность. Ему самому давно уже требовался тот самый пляжный отдых, который он пообещал Джен.

Еще одно пустое обещание – непонятно, как он его выполнит.

Тео снова вздохнул. Честно говоря, Джен была еще одной обузой, совершенно лишней. Ему нравилось проводить с ней время, и да, она помогала ему сохранять рассудок в творящемся вокруг безумии. В некоторой степени. Однако он не собирался расставаться из-за нее с женой – по крайней мере до тех пор, пока за ним оставалось право выбора. Его любовница этого не понимала. Она хотела большего. Тео слишком долго наслаждался ее обществом, так что теперь ему потребуется масса усилий, чтобы от нее отделаться.

Все катилось к черту.

Помимо всего прочего, ему надо было разобраться с Эбботтом.

Несмотря на фамилию Томпсон, его сторонники начнут разбегаться, если Тео не сможет в ближайшее время серьезно улучшить свои цифры в опросах. А этого точно не произойдет, если Эбботт выложит все в открытый доступ. На самом деле, скорее всего, проигранными выборами дело не ограничится, и Тео потеряет гораздо – *гораздо* – больше, если этот подонок выполнит свою угрозу. Тео очень надеялся, что его друг, Льюис Йорк, блестящий и беспощадный адвокат, поможет ему сделать так, чтобы этого не случилось. И, что еще важнее, если Льюису удастся взять ситуацию под контроль, отец Тео так никогда и не узнает, что яблочко таки упало недалеко от яблони.

От этих мыслей внутри у Тео все сжалось.

Он не хотел быть похожим на отца. То, что он о нем знал, приводило в бешенство. Но Тео никому не мог об этом сказать. Оставалось только ждать, пока старик умрет, и надеяться, что его маленькая тайна умрет вместе с ним.

Льюис прислал сообщение с просьбой прийти сразу, как только закончатся встречи. И Тео всей душой надеялся, что появились хорошие новости.

Ему были очень нужны хорошие новости.

Если у Льюиса будут хорошие новости, они компенсируют всю ярость, которую Джен обрушила на него после того, как он отменил их совместный ланч. Для любовных утех у него всегда имелись девицы, которые и не ожидали от него ничего, кроме денег. Но никто из них не мог сравниться с Дженнифер Уиттен.

Его жизнь в двух словах. Он всегда хотел то, что не мог получить.

– Добрый день, мистер Томпсон, – поздоровалась с ним администратор на восьмом этаже, как только он вышел из лифта.

Тео кивнул ей и направился к офису Льюиса. Его туфли утопали в мягком ковре, покрывавшем пол. Такие ковры украшали все этажи, кроме первого, где полы были мраморные и очень элегантные. Йорк, Хэммонд и Голдман хотели, чтобы их клиенты чувствовали себя комфортно. А для этого годилось только самое лучшее.

Он коротко стукнул в дверь Льюиса и вошел.

Йорк встал и протянул руку для приветствия.

– Я уж думал, твои встречи никогда не закончатся.

Тео пожал ему руку и рухнул на один из стульев, стоявших перед столом.

– Ты даже не представляешь... Мне нужно выпить.

Йорк направился к зеркальному бару – у каждого из партнеров был такой в кабинете. Еще больший украшал переговорную. Йорк взял бутылку скотча и два невысоких стакана и присоединился к Тео. Выставил все это перед ним на стол и сел рядом.

– Нам обоим нужно выпить, – сказал Йорк. – На самом деле у нас есть что праздновать.

Тео не понимал, как такое возможно. Если только Эбботт вдруг передумал и решил не ворошить осиное гнездо...

– Хотелось бы узнать, как ты пришел к такому выводу. – Тео рассмеялся. – Вот если бы Эбботт вдруг рухнул замертво... а так – я не представляю, как пережить этот тлеющий кризис. Каждая собака на тех встречах только и ждет случая, чтобы лишить меня своей поддержки. Очевидно, мне просто не хватает обаяния, которым располагает мой отец.

Далеко не все желали платить дьяволу дань. Томпсоны слишком долго вершили судьбы Бирмингема. Люди хотели перемен.

– Будь осторожен в своих желаниях, Тео. – Йорк потягивал виски, не сводя с него глаз.

– Что это значит? – Тео был не в настроении играть в угадайку. Он взял свой стакан.

– Сегодня утром убили Бена Эбботта.

Тео чуть не выронил стакан.

– Ты серьезно? – Надежда вспыхнула у него в душе, и Тео сам себе ужаснулся. Он не собирался искать облегчения в трагической новости и тем не менее получил его.

– О да, я очень серьезен, друг мой. Бен Эбботт мертв. Бирмингемский ДП только что выступил с сообщением. Они молчали все утро.

Тео все же ухитрился поднести стакан ко рту и одним глотком осушил его. Йорк все так же не сводил с него глаз. Он быстро налил ему второй, и Тео заставил себя пить медленнее.

– Что... – он прокашлялся, – что это значит? А его жена и ее мамаша? Они, как несвятая троица, преследуют меня...

Йорк сделал еще один глоток, потом покачал головой.

– Верь мне, все кончено, Тео. Это все, что тебе нужно знать.

У Тео были еще вопросы, но его настолько переполняло чувство облегчения, что он просто не мог сейчас собраться и потребовать ответов.

– Это... как бы безумно это ни звучало, хорошие новости.

Йорк кивнул.

– Очень хорошие новости. Я полагаю, тебе, друг мой, пора уже привыкать к обращению «сенатор».

Тео поднял свой стакан.

– За будущее. – Оно вдруг стало казаться намного светлее.

Они выпили.

Когда приятное тепло, разлившееся по телу, достаточно расслабило Томпсона, он спросил:

– Полиция знает, что случилось?

Йорк покачал головой.

– Расследование, вероятно, займет какое-то время, но я думаю, его убили конкуренты. Такое случается, когда так много на кону. Технологическая война свирепа и глобальна.

– У них там точно большой и страшный мир, – веско заявил Тео, как будто он на самом деле знал, о чем говорил. Правда же заключалась в том, что Бирмингем всегда был для него домом. Разумеется, Тео много путешествовал, но, в отличие от Эбботта, он никогда не жил где-то еще. Фактически ему никогда не приходилось работать – до последнего времени. Имя Томпсон и наследие его отца гарантировали ему все, чего бы он ни захотел. По крайней мере до тех пор, пока Кайл Хантер не решил также побороться за место в Сенате. У Кайла был не менее серьезный тыл, и его поддерживала его мать, уважаемый мэр Бирмингема.

Над этим тоже работал Йорк. У всех свои секреты. Скелеты в шкафах. Все, что нужно было сделать, – найти их у Кайла Хантера и его любимой матери.

– Эбботт выбрал себе безжалостную индустрию, – предположил Йорк.

Тео кивнул.

– А я-то думал, что политика безжалостна, – проворчал он. До сих пор никто не пытался его убить. Тео покачал головой. – Кажется, сегодня мой счастливый день.

Жаль, что для этого кто-то должен был умереть.

5

12:45

Ресторан «Саммит»

Бульвар Саммит

Тео значился у нее в черном списке.

Дженнифер Уиттен шла к ресторану, сердито поджав губы. Сегодня они должны были вместе пообедать, однако в последний момент он все отменил.

– Черт тебя подери, Тео Томпсон.

Два года. Джен отдала ему два года. Сейчас ей тридцать восемь – не так уж много лет осталось в запасе, чтобы разбрасываться ими. В голове раздался голос матери: если бы она пошла в колледж, как собиралась; если бы подождала немного и вышла замуж за приличного человека, врача или адвоката...

Если бы, если бы, если бы. Если бы да кабы, да во рту росли грибы, тогда был бы не рот, а... Какая тупость.

Джен ужасно устала от обедов и ужинов в каких-то задрипанных ресторанчиках, где их не могли увидеть вместе, от тайных встреч в дешевых загородных отелях. Когда она взялась за ручку двери, за которой ее ждала Диана, Джен охватил страх. На самом деле она подозревала, что Тео врал ей насчет своего брака. Он постоянно говорил, что все кончено, а сам просто пользовался ею в свое удовольствие.

Почему, почему, почему ее всегда тянуло к таким, как Тео?

Она была так благодарна, что Диана смогла с ней пообедать. Джен было необходимо выговориться перед тем, как она взорвется и совершит какую-нибудь глупость... которую нельзя будет исправить.

У нее пискнул телефон, и она замешкалась у входа, пытаясь нащупать его в сумке. Если это Тео прислал еще одно извинение, Джен не желала ничего слышать. Она глянула на экран, но это был не Тео. Сообщение от Амелии. Несмотря на нахлынувшее на нее отчаяние, Джен улыбнулась.

Тетя Джен, можешь достать воздушные шарик для субботнего торжества? (эмоджи – два бокала)

И она быстро напечатала в ответ:

Можешь на меня положиться, детка!

Юбилей свадьбы Дианы был шестнадцатого. Надо будет придумать им какой-нибудь грандиозный подарок. Джен сунула телефон обратно в сумку и поспешила внутрь. С самого детства Диана была ее лучшей подругой. И всегда считала Джен не просто подругой, но еще одной сестрой. Когда родились дети, Диана настояла на том, чтобы они звали ее тетя Джен. Она была крестной матерью Амелии. К сожалению, Амелия могла так и остаться для нее единственным ребенком...

Диана помахала ей, и Джен улыбнулась, обошла очередь, формирующуюся на глазах перед стойкой метрдотеля, и направилась к столику. Слава богу, ее подруга пришла пораньше и смогла сесть до того, как сюда набежал народ.

Джен упала на стул напротив Дианы.

– Я так рада, что ты пришла. Мне ужасно не хотелось обедать одной.

– Я заказала тебе бокал шардоне. – Диана кивнула официанту, который как раз подошел к столику. – И наши любимые салаты.

Джен прижала руку к сердцу.

– Благослови тебя господь. – Она улыбнулась официанту, и тот поставил перед ней бокал на тонкой ножке. Джен схватила его и сделала длинный глоток. – М-м-м-м... Спасибо. Спасибо. – Она посмотрела на свою дорогую подругу. – Диана Своннер, ты выйдешь за меня? Никто и никогда не будет так добр ко мне, как ты.

Диана рассмеялась, затем пригубила вино.

– Я бы с удовольствием, зайка, но, как ты знаешь, я уже замужем, и Робби вряд ли захочет делиться.

Джен вздохнула.

– Все хорошие девушки уже замужем.

Диана перестала улыбаться и озабоченно накрыла руку Джен своей.

– Скажи мне, что случилось. Я думала, ты сегодня обедаешь с Тео.

Джен закатила глаза.

– Он соскочил в самый последний момент. Ей-богу, мне кажется, он просто использует меня... как будто... как будто я ничего для него не значу.

– Это я во всем виновата. Вы, может, никогда бы и не встретились, если бы не я. – Диана прижала пальцы к глазам. – После развода Керри меня вся эта ситуация стала очень смущать. – Она отняла пальцы от глаз и положила руки на стол. – Сначала у вас с Тео все вроде было хорошо. Дети у него в колледже. У жены нет на него времени. Но после того, как я увидела, сколько Керри хлебнула с Ником, я больше не могу притворяться.

Керри была младшей сестрой Дианы и тоже любимой подругой. Джен подперла рукой подбородок.

– Ты права. Мы со своими грязными секретами и ложью во спасение – ужасные люди.

– Да нет же, Джен. Ты знаешь, я не это имела в виду, – возразила Диана. – Я говорю, что ты заслуживаешь гораздо большего. – Она покачала головой. – Но кем бы ни была его жена, как бы плохо она ни заботилась о нем, она все же его жена. И он должен поступить правильно. А если нет, тогда ты должна поступить правильно *для себя*.

Джен теребила салфетку, не в силах поднять глаза на подругу.

– Он сказал, что уже поговорил со своим адвокатом. Что уже был готов начать бракоразводный процесс, но тут его отец решил баллотироваться на пост губернатора. У Тео не было выбора, кроме как баллотироваться на его место в Сенате, – по крайней мере, так он сказал. Он обещал подать на развод после выборов, но... – Джен покачала головой. – Не думаю, что это случится. И по правде говоря, я за последние пару недель видела и слышала такие вещи, что вообще засомневалась, знаю ли я его по-настоящему.

Диана нахмурилась.

– Какие вещи?

Джен снова покачала головой.

– Не уверена. Но он несколько раз очень сердито с кем-то разговаривал. Вроде бы про того парня-миллиардера, который все время в новостях. Который основал эту компьютерную фирму... Ну, ты знаешь, «Эбботт что-то».

– «Эбботт Опшенс»? – У Дианы вытянулось лицо. – Ты говоришь о Бене Эбботте?

Джен кивнула:

– Да, он самый. Ты его знаешь?

– Не больше, чем ты, – сказала Диана, – но я слышала в новостях, пока ехала сюда, что его убили сегодня утром. Жена его пропала, а ее мать тоже была убита.

– О господи. – У Джен забило сердце. Не потому ли Тео вдруг отменил совместный ланч? – Это просто ужасно.

Диана печально кивнула.

– Не говори. – Она снова взяла Джен за руку. – Нужно ценить каждый день. Никогда не знаешь, сколько тебе осталось. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Джен. Все совершают ошибки, но ты не плохой человек. Ты просто влюбилась не в того парня.

– Как сказала бы Керри, – Джен сидела, уставившись в свой бокал, – это мой модус операнди.

Диана попыталась улыбнуться.

– Просто расстанься с ним и начни все сначала. А мы с Керри всегда рядом.

Джен закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Ты права. Так и сделаю. – Она посмотрела на подругу и широко улыбнулась. – Хватит обо мне. Что у тебя происходит?

Диана закатила глаза.

– Отдельные мамы просто сводят меня с ума своими вопросами, кто займет место Амелии в нашей танцевальной команде.

– Уже? Она еще даже в колледж не уехала. Бывают же такие эгоисты.

Официант принес салаты. Диана поблагодарила его, и он перешел к следующему столику.

– Я не могу пока смириться с тем, что всего через несколько недель Амелия уедет. – Диана вздохнула и заморгала, пытаясь сдержать слезы. – Все это время я была уверена, что она пойдет в Джульярдскую школу⁴ и станет звездой.

Джен не стала добавлять: «Вместо тебя». Диана была потрясающей танцовщицей. Ее взяли в Джульярд, но тут она обнаружила, что беременна Амелией, и все изменилось. Они поженились с Робби, и на этом все закончилось. Джен всегда удивлялась, как ее подруга смогла так легко отказаться от своей мечты. Но, может быть, материнство могло заменить что угодно.

– Она будет потрясающим адвокатом, – сказала Джен. – Конечно, ты ей прочила другое будущее, но оно у нее все равно будет фантастическим.

Диана кивнула:

– Я знаю, знаю. И со всеми моими делами – Робби, близнецы, студия... – я в любом случае буду так занята, что даже и не замечу, что она уехала.

Ее голос задрожал, подтверждая, что она сама не верила своим словам.

– Мы что-то все совсем расклеились, – призналась Джен. – Ты со своими страхами за Амелию, я со своим романом, – она понизила голос, – с женатым мужиком. Керри со своим жутким бывшим.

– Это точно, – согласилась Диана, ковыряя свой салат. – Но ты дала ему достаточно времени.

– Даже слишком. – Джен подцепила рукколу на вилку. – Просто начинать все сначала – это так тяжело.

– А давай устроим девичник, – предложила Диана. – Мы с тобой и Керри. Я буду твоей свахой. На свете полно парней. Мы просто должны их найти.

– Было бы здорово. – Джен надеялась, что избыток энтузиазма на лице компенсирует его недостаток в голосе. Сейчас она не хотела больше говорить о Тео. – Амелия, кажется, очень довольна своей стажировкой. Должна сказать, – она снова погрузила вилку в салат, – это огромный успех, подруга. Я знаю, люди убить готовы за возможность пристроить своих отпрысков стажерами в контору типа «Йорк, Хэммонд и Голдман». Они же берут всего сколько? – Двух старшеклассников в год – из тысяч, заканчивающих школу?

Диана замахала руками.

– Я к этому выбору не имею отношения. Они уже рассматривали ее кандидатуру. У Амелии отличные оценки. И она все делала правильно: занималась общественной работой, участ-

⁴ Джульярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в нью-йоркском Линкольн-центре.

вовала во всех этих школьных клубах... Не говоря уже о том, что она считается одной из лучших танцовщиц в стране в своей возрастной группе. Стажировка – это ее успех, не мой. И моя дружба с Льюисом тут ни при чем.

– Все правда. – Джен подмигнула. – А все же я уверена, что ты ему нравишься. – Она не знала, понимает ли Диана, что отношения – даже простая дружба – с такими людьми, как Льюис Йорк и Тео Томпсон, – это игра с огнем. Джен это понимание досталось тяжело. Возможно, ей следует предупредить Диану.

– Да ну, перестань, – возразила Диана, несмотря на предательски порозовевшие щеки. – Я просто много лет давала его дочери частные уроки танцев. И я для него не больше чем еще один репетитор, наряду с учительницей музыки и гувернанткой, обучающей девочку хорошим манерам. Когда умерла его жена, ему понадобилась моя помощь. – Она пожала плечами. – Знаешь, на все эти кружки и дополнительные занятия обычно ведь именно матери возят детей. Так что он, бедный, понятия не имел, что делать.

– И он ведь так больше и не женился, – вздохнула Джен. – Как жаль, что он не в моем вкусе.

Может быть, тогда бы она не стала тратить все свое время на Тео, черт его возьми, Томпсона. К сожалению, Джен никогда не боялась играть с огнем. Иногда она об этом жалела.

Дальше Диана заговорила о том, чем занимается теперь, когда студия закрылась на лето, а ее десятилетние близнецы уехали в бейсбольный лагерь. Джен улыбалась и в нужные моменты кивала, но мысли ее то и дело возвращались к тому, что Диана сказала раньше. К убийству Бена Эббота.

Джен проглотила поднимающийся к горлу комок. В последний раз, когда они с Тео были вместе, она все-таки расслышала его слова в том телефонном разговоре, хоть он и прикрывал рукой трубку.

«Эбботт будет мне стоить этих выборов и даже больше. Как мы, черт возьми, собираемся его остановить?»

Джен еле справилась с охватившей ее дрожью. Это просто совпадение. Может, это был другой Эбботт. Тео не может никого убить...

Внутренний голос, который она всю жизнь игнорировала, требовал, чтобы она поговорила с Керри... но... что, если она ошиблась? Тогда она только зря расскажет Керри про роман. Джен знала, что Керри ее любит, но после всего, что она натерпелась от своего бывшего, не поймет про Тео.

Нет. Нельзя к ней обращаться.

Джен заставила себя улыбнуться тому, что теперь рассказывала Диана.

Да смешно даже подумать! Тео не может быть замешан в убийстве.

Он не убийца, он просто изменник и лгун.

6

16:55

**Дом Эбботтов – место преступления
Ботаникал-плейс, Маунтин Брук**

Керри стояла на веранде дома Эбботтов и смотрела на двойные стеклянные двери, ведущие в спальню. Камеры наблюдения не работали уже несколько недель. Сигнализация была отключена ранним утром. И ни единого признака взлома. Если бы не выпотрошенные шкафы и не кровь, можно было бы подумать, что внутри ничего не случилось.

Не считая, конечно, убийства хозяина и его тещи. И беременной жены, которая пока так и не нашлась. Может, она ранена. Возможно, мертва.

Но если она мертва, то должна быть причина, почему ее тело не оставили с остальными.

Возможно, она рано встала, отключила сигнализацию, чтобы выйти прогуляться в сад, и встретила там убийцу. А может, она вышла на пробежку, потом вернулась домой и наткнулась на убийцу там. Дженкинс сказала, что миссис Эбботт старалась держать себя в форме. Утренние пробежки были обычным делом.

Мог ли убийца забрать ее – или ее тело – с собой в качестве доказательства, что заказ выполнен? Или с целью шантажа?

Похитил ли он ее затем, чтобы получить выкуп: деньги или что-то другое, не менее ценное? У нее не осталось семьи. Родители Эбботта были еще живы и проживали здесь, в Бирмингеме. Им сообщили трагические новости. Беседа с ними была запланирована на завтрашнее утро. Но к ним до сих пор никто не обращался за выкупом, иначе Керри знала бы. Дэниел Эбботт был достаточно опытным бизнесменом, чтобы не пытаться вести переговоры с похитителями самостоятельно, позволив эмоциям взять верх над здравым смыслом.

Соседей опросили. Никто из них не видел ничего необычного, кроме соседки напротив, которая на прошлой неделе обратила внимание на синюю машину, припаркованную у тротуара со стороны Эбботтов. Но поскольку парковать машины на улице не запрещалось и многие работники, обслуживавшие этот район, ездили на «старых» машинах, вряд ли эта информация заслуживала внимания. Непосредственные соседи Эбботтов охотно предоставили свои камеры, на которых, впрочем, Керри ничего не нашла. Угол обзора одних не покрывал все подходы к участку Эбботтов, а на тех, где покрывал, не было замечено никакой подозрительной активности. Что еще более странно, миссис Дженкинс пришла к выводу, что из дома ничего не пропало.

Дом прочесывала уже вторая команда криминалистов. Шеф полиции не хотел ждать до завтра. Это расследование обещало стать особенно резонансным, и он ничего не желал отдавать на волю случая.

Фалько вышел на веранду и приблизился к Керри.

– Они закончили.

Тела были в морге, улики собраны, оставаться там дальше смысла нет.

– Будем считать, что на сегодня все. – Керри направилась обратно в дом, чтобы еще раз поговорить с Мэтьюз.

Мэтьюз и Бейкер отвечают за то, чтобы в доме не осталось посторонних. Два других полицейских будут охранять его до утра, а затем их сменит новая команда. Никому не разрешалось приближаться к месту преступления.

Кроме того, по-прежнему оставался шанс, что миссис Эбботт удалось избежать смерти, что она вернется домой, – возможно, в шоке и полуживая от ран. На нее были разосланы ориентировки. Каким бы образом Села Эбботт ни покинула свой дом, личным автомобилем она точно не воспользовалась, поскольку обе машины Эбботтов стояли в гараже.

Представитель семьи выступит в вечерних новостях с обращением о безопасном возвращении Селы Эбботт. Если повезет, ее найдут в течение ближайших двадцати четырех часов. Маловероятно, конечно, но можно было хотя бы надеяться.

Керри, а за ней и Фалько вышли из дома и сели в «Вагонер». Она развернулась, выехала из ворот и помахала офицеру, охранявшему внешний периметр. Слава богу, репортеры решили, что здесь больше нечего ловить.

– Завтра возвращаемся в «Эбботт Опшенс»? – спросил Фалько.

– Возвращаемся.

Сегодняшний визит в любом случае сдвинул дело с мертвой точки. Сотрудники фирмы совершенно расклеились после того, как по фирме распространились новости. Те немногие, кто все же пытался ответить на вопросы, были настолько эмоциональны, что вычленив хоть какой-то смысл из их слов было непросто.

Их оказалось меньше, чем думала Керри. Насколько она поняла, главный офис остался в Сан-Франциско. А местный выполнял скорее представительские функции, нежели реально занимался исследованиями и развитием бизнеса. Личный помощник Эбботта, Марселла Гиббонс, пыталась сейчас получить ответы на многие их вопросы.

– Пока технари заканчивали внутри, я полистал несколько фотоальбомов, – сказал Фалько. – И проверил всю медицинскую историю, что смог найти, а также ящики для лекарств. Кроме матери Селы, никто в семье никаких лекарств не принимал, не считая витаминов для беременных.

Керри не спускала глаз с дороги, но почувствовала, что Фалько по-прежнему на нее смотрит.

– Что-то еще?

– После того как я увидел эти фотографии, мне стало ясно, что миссис Эбботт не могла убить свою мать или мужа. – Он покачал головой. – Это совершенно исключено. Они выглядели счастливыми. Были на седьмом небе, что скоро родится ребенок. Не складывается.

– Убила или нет, она, скорее всего, сама мертва, – напомнила ему Керри. – Если бы Села была жива, то все, кто способен заплатить выкуп, уже получили бы требование. Но родители Эбботта не слышали ни слова. То же самое в офисе. Не было требований о выкупе. И вообще никаких контактов.

Наступило молчание. Через некоторое время Фалько снова заговорил:

– У меня есть ребенок.

Она мельком глянула на него.

– Правда? А я думала, ты никогда не был женат. Без детей. Свободный, как птица, холостяк.

Он пожал плечами и стал смотреть прямо перед собой.

– В моей жизни нет осложнений, Девлин. Ни жены, ни ипотеки, ни ребенка, за которого я бы официально отвечал.

Керри нахмурилась.

– Стой, ты только что сказал, что ребенок у тебя есть.

Фалько кивнул.

– Мальчик. Восемь лет. Я отказался от родительских прав, когда ему было шесть часов от роду и четыре минуты.

Керри не знала, что на это сказать. *Почему?* – был бы логичный вопрос, но она не очень хотела получить ответ. Если он окажется еще большим говнюком, чем обещает его яркая репутация, она предпочла бы поскорее закончить разговор.

– Не потому, что я этого хотел, – сказал Фалько, словно прочел ее мысли. Голос его звучал мягче, тише, чем она когда-либо слышала. – А потому, что так правильно. Я хотел,

чтобы он был в безопасности, чтобы он был счастлив. А связь со мной не обеспечила бы ни того, ни другого.

– Вау, – такого Керри, разумеется, не ожидала. – А ты знаешь, где он сейчас?

– В Ханствилле. Она шлет мне фотографии и пишет, что он делает, как учится. Иногда я проезжаю мимо школы и вижу, как он играет или выходит из школьного автобуса. В этом году он начал играть в футбол. Я даже на игру ходил.

– А ты не думал договориться о том, чтобы видеться с ним? Похоже, она бы не стала возражать.

Фалько покачал головой.

– Ее муж усыновил его. Он его отец. И я не хочу разрушать их отношения. Это будет несправедливо.

Возможно, парень немного глубже, чем она считала.

– Тебе должно быть тяжело, Фалько.

– Ну, я принимал какие-то решения. Не хочу, чтобы он за них платил.

Тюрьма? Наркотики? Невозможно. Он не смог бы стать полицейским, если бы это было правдой.

– Есть вещи, о которых я не могу тебе рассказать, Девлин, – вдруг объявил Фалько, словно опять прочел ее мысли.

Она затормозила на красный свет и повернулась к нему.

– Что это значит?

– Я наблюдал за тобой сегодня. Ты чертовски хороший детектив. Мне повезло стать твоим напарником, я это знаю. Но я не хочу, чтобы ты судила обо мне по тому, что, как тебе кажется, ты обо мне знаешь, потому что на самом деле ты не знаешь почти ничего.

Сзади стали сигналить, и Керри переключила внимание на дорогу. Загорелся зеленый. Она переставила ногу с тормоза на газ.

– О'кей. Я постараюсь не опираться на слухи. Только на то, что вижу собственными глазами. Годится?

– Вполне. Спасибо. Может быть, завтра ты меня даже за рульпустишь.

Керри засмеялась.

– Давай не будем забегать вперед, Фалько.

Между ними снова воцарилось молчание. Как ни странно, на этот раз оно было менее напряженным.

Запищал телефон. Керри посмотрела на экран – номер незнакомый, но местный. Она включила громкую связь.

– Девлин, – сказала она вместо приветствия.

– Детектив, это Марселла Гиббонс.

– Мисс Гиббонс. – Керри обменялась взглядами с Фалько. – Вы нашли что-то, что может помочь нашему расследованию?

– Я просто подумала о том, что сказал детектив Фалько.

Маневрируя в пробке, Керри то и дело посматривала на напарника.

– О чем, мисс Гиббонс?

– Когда мы были в офисе мистера Эбботта, детектив Фалько спросил, его ли это ноутбук.

– И вы подтвердили, что да, его, – вступил в разговор Фалько.

– Да, – согласилась она. – Но я стала думать про ноутбук. Тот, что стоит в офисе, он использовал для работы. Здесь у нас защитное программное обеспечение и тому подобные вещи, все, что мы используем здесь, в «Эбботт Опшенс». Но у него есть еще личный ноутбук. Вы должны были найти его у него дома.

Прежде чем ответить, Керри снова посмотрела на Фалько.

– Дома мы обнаружили только большой компьютер – у него в кабинете. Кроме того, мы нашли два айпэда и два мобильных телефона. Ноутбука не было.

А еще среди документов они нашли список вещей – вроде тех, что люди составляют по просьбе страховых компаний. Ничего из перечисленного там не пропало. В этом списке упоминался ноутбук, но они решили, что имелся в виду тот, который был в офисе.

– Если его личный ноутбук – а он такой же, как в офисе, – не дома и не у него в машине, значит, он пропал.

Они поговорили еще пару минут. Несколько репортеров разбили лагерь у здания «Эбботт Опшенс» и мешали проезду. Керри пообещала послать полицейского разобраться с этим. Мисс Гиббонс согласилась прийти завтра в дом Эбботтов и вместе с офицером Мэтьюз сделать еще один обход, чтобы проверить, не заметит ли она еще какой-нибудь пропажи.

Еще три минуты назад Керри была убеждена, что пропала только жена.

Похоже, дела обстояли совсем иначе.

7

Я должна была это сделать...

У меня не было выбора.

И я знала об этом давно, с самого начала. Я получила предупреждение. Господи, еще какое предупреждение. Почти всю мою сознательную жизнь меня преследовали эти слова.

Ты не сможешь. У тебя не получится, как не получилось у нее.

Я перетираю веревки у себя на запястьях, вперед-назад. Кожа под ними уже покраснела, но я не останавливаюсь. Я должна справиться.

Я очень тщательно готовилась. Все детали до единой были на месте. Понимаете, главное – восприятие.

Но *этого* я не могла предусмотреть.

То единственное, что я все еще могу потерять, я забрала с собой. Хотела бы я, чтобы все пошло по-другому? Могла ли я догадаться, что этим кончится? Возможно, был момент...

В конце концов, это не так уж и важно. Я бы все равно потеряла ту часть жизни, которая казалась *почти* реальной. Обман, предательство – и неважно, насколько чист мотив, – никогда не встречает понимания. Даже теми, кто утверждает, что любит тебя.

Передо мной встает его образ – таким, каким я увидела его в последний раз. Кожа вокруг дырки на лбу сморщилась и начала приобретать этот жуткий лиловый оттенок. Я зажмуриваюсь, чтобы прогнать это воспоминание, и испытываю нечто похожее на печаль. Это странно. Не помню, когда я в последний раз по-настоящему испытывала что-то, кроме горечи, – если, конечно, не считать решимости. И все же я чувствую... сожаление.

Мне жаль.

Я не хочу чувствовать эту печаль. Это не входило в мои планы. И все же мне грустно.

Когда все будет кончено, люди возненавидят меня. Никто не скажет обо мне доброго слова. Я знаю. Но это неизбежно.

Я должна была это сделать...

Если бы она пришла, она бы сказала, что, несмотря на ее сомнения, я все сделала правильно и что со временем у меня все будет хорошо. Она так часто утверждала, что у меня все будет хорошо, если только я буду двигаться дальше. Забуду прошлое. Не буду оглядываться. Но как я могу так поступить? Как я могу забыть и притвориться, что прошлого никогда не было?

Не оглядывайся... у тебя все будет хорошо.

Даже сейчас я слышу ее голос.

И как бы успокаивающе он ни звучал, одно я знаю совершенно точно: со мной никогда не будет все хорошо.

Это цена, которую я должна заплатить, чтобы закончить все это, и я справлюсь. Я слишком хорошо все спланировала.

Самая главная часть плана заключается в том, чтобы никому ничего не говорить.

Никто – *абсолютно* никто – не должен знать, что случится во-первых, во-вторых, в-третьих... и так до конца, до последнего шага, пока не настанет время.

Я поняла, как важно хранить секреты, еще в детстве. Моя мать хорошо меня научила. У нее было много секретов. *Очень много* секретов. Я их все храню... так же, как она. В конце концов некоторые из них откроются... потому что они важны для следующих шагов.

Но остальные уйдут со мной в могилу.

Я продолжаю перетирать веревки на запястьях, вперед-назад, сначала на одной руке, потом на другой. Вперед-назад. Затем я наклоняюсь и делаю то же самое на правой щиколотке. Вперед-назад. Вперед-назад. Кожа кровоточит. Я не останавливаюсь. Я не замечаю боли. Это необходимо для финала.

Соседи должны были все, как один, твердить полиции одно и то же. *Такие милые люди. Тихие. Не публичные. Всегда приятные. Всегда улыбающиеся и счастливые.*

Они не догадываются, что видели только то, что я хотела показать. Они не знают меня. Я невидимка. Никто меня не знает. Настоящую меня. Они слышат обо всем хорошем, что я сделала, – я очень старалась достичь как можно большего за такой короткий срок. Это важно. Но они никогда не узнают про плохое.

Плохое было также необходимо. Это часть плана... – *обещание*. Есть вещи, которые должны случаться, когда двигаешься вперед. Которые служат катализатором для дальнейших шагов.

По мере того как станут разворачиваться события, некоторым игрокам предстоит действовать не совсем в темноте. Те несколько избранных хорошо знают о *своих ролях*. Сначала каждый, без сомнения, отрицал саму идею; еще один шаг – и им пришлось увидеть то, что они так истово отрицали. Они знают только то, что мне нужно. Видят только то, что я хочу показать.

Самое главное – все они реагировали точно так, как я предполагала. И как легко оказалось получить необходимую мне реакцию в нужное время. Никто не узнает, что их ждет в финале, до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Они все, включая полицию, будут пытаться раскопать правду. Они никогда ее не найдут...

Но участникам этой игры придется выучить один бесспорный урок.

Они сами себе все это устроили.

8

Четверг, 7 июня

7:00

Дом Керри Девлин

Двадцать первая авеню, Юг

Керри допила последний глоток кофе и крепче сжала кружку. Тори так и не проронила ни слова, когда Керри постучала к ней в дверь и велела спускаться вниз завтракать.

Она посмотрела на бутерброд с сыром и кружочком ананаса сверху – Тори особенно их любила. Каким образом всего за несколько месяцев ее дочь превратилась из маминой малышки в этого вечно недовольного подростка?

Легче всего было бы свалить все на бывшего. Подонок сбежал не только от нее, но и от дочери. Понятно, что потерять отца в тринадцать лет гораздо труднее, чем потерять мужа в тридцать шесть. Как бы Керри ни злилась, но девочке было больно. Ник потерял возможность сделать Керри по-настоящему больно примерно за год до того, как ушел. Она перестала считать его тем мужчиной, за которого когда-то выходила замуж.

Но в то же время и Керри больше не была той женщиной, на которой он женился. Его обвинения в том, что она думала только о работе, звенели у нее в голове.

Она только-только окончила академию, когда они познакомились и поженились. Он к тому времени уже выпустился из колледжа и получил свое первое предложение о работе. Жизнь была прекрасна и полна возможностей. Но медовый месяц длился недолго. Их карьеры медленно, но верно заполнили всю их жизнь, и красавица дочка, появление которой принесло им столько счастья, вдруг превратилась в яблоко раздора. Кто поведет ее в школу? Кто заберет из школы? Родительские собрания. Школьные спектакли. Семейные вечера. Дни рождения. Бейсбол. Репетиции ансамбля. Визиты к врачу. Всегда мешала работа. Злоба, раздражение и обида вытеснили радость и счастье.

Бедная Тори стала невинной жертвой, угодившей в медленную агонию родительского брака.

У нее было право сердиться. Два человека, от которых она больше всего зависела, ее подвели. Керри и Ник с их заикленностью на работе, а с недавних пор – с его увлечением молодой и более внимательной женщиной.

– Я не хочу есть.

Керри повернулась на заявление дочери. Девочка быстро что-то печатала на своем телефоне, направляясь к холодильнику, минуя завтрак, который для нее приготовила Керри. Ничего особенного, разумеется, но она старалась. Старание больше не принимается в расчет? Керри вспомнила улыбки и смех из прошлых дней, прежде чем верх взяли гормоны, – и поборола желание вздохнуть, опасаясь спровоцировать еще один раунд оглушительного молчания.

– Какие на сегодня планы? – Керри удалось задать вопрос нейтральным, почти приветливым тоном. Она устала воевать с Тори. Сейчас она бы обрадовалась и пяти минутам мира между ними.

– Ничего особенного. – Тори открыла холодильник и потянулась за газировкой. – Элиза придет, мы вместе делаем фандрайзинговый арт-проект для нашего ансамбля.

Керри сжала губы, чтобы лишний раз не напоминать дочери о том, что однажды весь сахар, поглощенный ею, вернется и будет мучить ее всю оставшуюся жизнь. Вместо этого она предложила:

– Здорово. Тебе нужны деньги, чтобы заказать китайскую еду?

Тори села за стол.

– Ее мама привезет нам ланч.

– Отлично. Да, кстати, я могу задержаться сегодня. Мы по уши в двойном убийстве.

– Тоже мне новость. Ты всегда задерживаешься. – Тот же пресный, индифферентный голос.

Керри сделала глубокий вдох и медленно выдохнула.

– Я постараюсь быть дома к шести.

– Ага, как хочешь. – Тори открыла банку с газировкой и отпила – не отрывая глаз от телефона.

Керри досчитала про себя до десяти и объявила:

– Я позвоню сегодня твоему отцу.

Тори вскинулась и с надеждой посмотрела на Керри.

– Классно!

Керри налила себе еще одну чашку кофе, чтобы потянуть время перед тем, как продолжить:

– Мы должны договориться, когда ты поедешь и на сколько.

Ярость моментально сменила надежду, которая посмела отразиться на милом личике Тори. Как может один ребенок излучать столько презрения к человеку, подарившему ему жизнь?

– Я уезжаю через понедельник, восемнадцатого, – огрызнулась она. – И вернусь прямо перед началом школы. Папа уже купил мне билеты.

– Этого не будет, Тори. – Керри снова сжала свою чашку. – Двух недель вполне достаточно. – Она решила не упоминать о том, что именно такой срок был зафиксирован в документах, которые они подписали с отцом Тори, – деталь, которую он так удачно забыл.

Ее дочь вскочила на ноги и одарила Керри испепеляющим взглядом.

– Ты просто хочешь, чтобы я была так же несчастна, как и ты.

Прежде чем Керри смогла логично и относительно спокойно ей ответить, Тори покинула кухню. Керри закрыла глаза и покачала головой. Она не пыталась наказать Тори. Она не собиралась таким образом мстить бывшему или доказывать, что она главная, поскольку значилась главным опекуном девочки. На самом деле Керри просто очень боялась, что, если она разрешит ей провести целое лето со своим отцом в новом прекрасном городе, следующим шагом станет окончательный переезд туда. Ник ничего так не хочет, как заманить Тори в игру «Давай накажем маму». Он так часто это делал. Керри не могла вынести, что он манипулировал дочерью, особенно когда ставки были так высоки – намного выше, чем когда-либо. В конце концов он ее подведет. Он всегда так делает.

И все же что, если Тори права? Керри редко появлялась дома – несмотря на то что она поклялась, что все изменится после ухода Ника. В школе каникулы. Тори была, без сомнения, одинока. Впервые она проводила лето без отца. Керри не хотела, чтобы она чувствовала себя несчастной.

Но продолжить эти волнующие размышления она не успела – завибрировал телефон, и Керри с радостью схватила его. Глянула на экран. *Ник*. Керри рухнула на ближайший стул. Вероятно, Тори позвонила ему или отправила СМС и пожаловалась.

Керри заставила себя успокоиться и взяла трубку.

– Я не передумую, – сказала она вместо своего обычного приветствия: «Что тебе надо?» Пусть скажет спасибо, что она опустила единственное верное обращение – «козел».

– Ты ведешь себя неразумно, Керри.

Допустим.

– Думай что хочешь, но это мое решение.

Последовало молчание, хотя она надеялась на другое.

«Хорошо. Как скажешь. Хочешь быть плохишом – пожалуйста», – вот что она готовилась услышать в ответ.

– Очень хорошо, – сказал он и преувеличенно громко выдохнул. – Ты не оставила мне выбора. Я свяжусь с адвокатом и буду добиваться полной опеки.

Она хрипло рассмеялась.

– Так ты ее и получишь. – Они уже обсуждали это. – Тори с самого рождения живет в Бирмингеме. Судья никогда не вынесет решение в твою пользу. Особенно учитывая обстоятельства твоего внезапного исчезновения из нашей семейной жизни.

– Керри, ей тринадцать лет. Ее показания будут весомее, чем тебе кажется, и она готова к переменам. Тебя вечно нет дома, и тебя некому поддержать.

Керри пришла в ярость.

– У меня есть сестра, которая всегда с удовольствием меня поддержит. – Если он думает, что маленькая шлюшка, которую он теперь называет своей невестой, может соревноваться с родной любящей теткой, которая всегда была частью жизни Тори, он глубоко ошибается.

– Ну что ж, пусть суд разрешит наши разногласия.

Керри открыла рот, чтобы наконец высказать ему все, что она думала, но он повесил трубку, прежде чем она успела произнести хоть слово.

– Подонок.

Керри решительно вышла в коридор. Однако у лестницы она подавила желание потребовать, чтобы Тори немедленно спустилась вниз и объяснилась. Не поможет. Станет только хуже. Глубоко вздохнув пару раз, чтобы успокоиться, она крикнула:

– Я пошла. Хорошего тебе дня, будь умницей!

Ответа, разумеется, не последовало.

Керри вернулась на кухню, сорвала куртку со спинки стула и, притормозив у задней двери, надела. Невзирая на летнюю жару в Алабаме, все детективы носили легкие куртки, чтобы прикрыть наплечную кобуру и чтобы выглядеть более профессионально.

Все, поправилась она, кроме ее напарника.

И, легок на помине, его черный «Чарджер» как раз завернул к ее дому. Керри заперла дверь и положила ключ в карман. Фалько остановил машину за ее «Вагонером» и опустил стекло.

Убавил громкость музыки, от которой его машина тряслась, как огромная стереоколонка, и сказал:

– Доброе утро, Девлин. Готова расколоть это дело?

– Что-то не припомню, чтобы я разрешала тебе сесть за руль. – Керри задержалась на крыльце, размышляя о том, что не спала почти всю ночь. Новое дело, война с дочерью – самые разные мысли осаждали ее, и она была слишком взвинчена, чтобы проспать больше пары часов.

– Хороший напарник чувствует нужды своей половины.

– Своей половины? – Она покачала головой и спустилась на две ступеньки. – Сделай мне одолжение, Фалько, – попросила Керри, идя к его машине.

– Что именно?

Она подождала, пока не устроилась в пассажирском кресле.

– Никогда не зови меня своей половиной.

Он заворчал и переключил передачу.

– Ты босс. Куда сначала?

– К родителям. – Она пристегнулась и, пока они отъезжали от дома, смотрела на окно дочери. – Будем надеяться, они смогут рассказать нам что-нибудь новое про свою невестку.

Ориентировка пока что не принесла результатов. Было несколько телефонных звонков после того, как полиция выпустила пресс-релиз вчера вечером, но ни один из них не подтвердился. Можно подумать, что женщина просто взяла и исчезла.

Только это было невозможно. Элементарная физика. Масса занимает место в пространстве.

До сих пор сотрудники Эбботта и его родители были единственными людьми, имевшими более-менее близкие отношения с молодой парой. Никто из соседей не общался с ними достаточно хорошо – уважали и здоровались, не больше. Некоторые настолько тщательно охраняли свою частную жизнь, что никого не подпускали слишком близко. Керри считала, что в том деле, которым занимался Эбботт, враг всегда мог застать тебя врасплох. Поэтому иногда легче было просто-напросто избегать близких контактов, чтобы понизить уровень, а то и вовсе избежать потенциального предательства.

Теперь Керри понимала это лучше, чем когда-либо. Дело в том, что ты все равно не знаешь человека, как бы вы ни были с ним близки.

Другими словами, она не ожидала измены мужа.

Хотя, с другой стороны, возможно, она просто не обращала внимания.

Дом Дэниела Эбботта Сент-Чарльз-драйв, Гувер

Родители Бена Эбботта жили в гигантском доме площадью двадцать тысяч квадратных футов. Керри и Фалько встретил представительный мужчина – вероятно, дворецкий – и повел через просторный холл с мраморными полами и высоким расписным потолком. Интерьер дома напоминал музей. Остановившись у распахнутых французских дверей, провожатый жестом предложил им войти.

За классическими дверями высотой не меньше десяти футов оказалась гостиная со стенами, обитыми деревом, и кессонным потолком. Керри подумала, что никогда в жизни не видела такой замысловатой лепнины. В центре комнаты расположилась группа из нескольких стульев и диванов. А чуть поодаль начинался «семейный уголок» со всевозможными развлечениями, включая массивный телевизор, длинный бар с зеркальными полками, на которых красовались любые напитки, какие только можно было себе представить, а также элегантный бильярдный стол. На высоте второго этажа вдоль стены тянулась галерея с полками до самого потолка, забитыми книгами.

– Детективы.

Заговоривший человек, очевидно, был отцом Бена Эбботта. Керри видела фотографии Дэниела Эбботта в газетах и в интернете, но даже если бы не видела, его сходство с сыном сразу бросалось в глаза. Форма лица, нос. Она вспомнила Бена в его большой кровати с дыркой от пули во лбу.

Керри моргнула, чтобы отогнать этот образ, и протянула руку для приветствия.

– Мистер Эбботт, мне жаль, но эта беседа необходима.

Мистер Эбботт кивнул, повернулся к Фалько и пожал ему руку. Фалько принес аналогичные извинения.

– Давайте присядем. – Эбботт сделал приглашающий жест в сторону стульев. – Моя жена вскоре к нам присоединится. – Он покачал головой. – Этот кошмар опустошил нас обоих. После того, что случилось, каждая минута для нас – невероятное испытание.

Керри не могла даже думать об этом. Потерять ребенка – что может быть ужаснее для родителей? И неважно, что этот ребенок уже взрослый и у него есть своя семья.

– Мы постараемся не отвлекаться и быть краткими, чтобы не продолжать этот разговор дольше, чем необходимо.

– Нет ли вестей от Селы? – озабоченно спросил мистер Эбботт.

– До сих пор ничего, сэр. – Не было смысла ходить вокруг да около. Керри предполагала, что этот человек не захочет, чтобы для него смягчали и приукрашивали факты. Не говоря уже о том, что у него имелись достаточно высокопоставленные друзья и он, скорее всего, и так знал ответ на свой вопрос. – Я полагаю, вы до сих пор не получали требований о выкупе?

Он покачал головой.

– Никаких. – Он огляделся. – Ну что ж, давайте поговорим о том, зачем вы пришли.

Керри подождала немного, поскольку в этот момент в комнату вошла миссис Эбботт – миниатюрная женщина с мягкими светлыми волосами, постриженными в каре популярной среди немолодых дам формы. Глаза у нее были красные и распухшие. Черное платье подчеркивало бледность. Она была в глубоком трауре и не скрывала этого.

Эбботт встал, Фалько последовал его примеру. Как только миссис Эбботт устроилась на диване, оба мужчины сели. Пока мистер Эбботт представлял их друг другу, она беспрестанно комкала в руке носовой платок. Ее взгляд задержался на Фалько. Без сомнения, она недоумевала, как человек, больше похожий на бомжа, только что вылезшего из коробки под мостом, чем на детектива, может найти убийцу ее сына.

Керри бросила взгляд на напарника. Она быстро поняла, что об этой конкретной книге нельзя судить по обложке. И была рада этому. Как ни странно, пожалуй, Фалько ей нравился. Немного.

– Я хочу знать только одно, – произнесла Темпест Эбботт слабым голосом. Теперь ее внимание целиком было сосредоточено на Керри.

Керри ждала, чтобы она продолжила.

– Что делается для того, чтобы найти мою внучку?

– Мы делаем все возможное, – заверила ее Керри, – чтобы найти Селу и того или тех, кто это сделал. Мы надеемся вскоре получить ответы.

Миссис Эбботт бессильно откинулась на спинку дивана, как будто вся ее энергия ушла на то, чтобы задать этот единственный вопрос.

– У нас есть несколько вопросов, – сказал Фалько. – Ваши ответы могут помочь нам серьезно продвинуться в расследовании.

– Спрашивайте все что угодно, – ответил мистер Эбботт. – Мы хотим помочь. Нам *нужно* вам помочь.

Настойчивость, прозвучавшая в его тоне, соответствовала нетерпению, которое испытывала сама Керри. Уже прошло двадцать четыре часа, а у них, по сути, так ничего и не было.

– Вы знаете, кто бы мог быть обижен на вашего сына? – Этот вопрос Керри адресовала отцу.

Он покачал головой.

– Конкуренция, существующая в индустрии программного обеспечения, беспощадна, спору нет. Каждый хочет совершить прорыв – создать приложение, которое изменит нашу жизнь. Бен, разумеется, сталкивался с теми, кто пытался перейти ему дорогу или просто обмануть. Но он всегда находил способ договориться. Он старался не держать ни на кого зла и избегать недопонимания. Бен предпочитал смотреть трудностям в лицо, решать проблемы, а затем двигаться дальше.

– А как насчет Тео Томпсона? – спросил Фалько. – У них с вашим сыном недавно произошла ссора на одном публичном мероприятии. Не было ли между ними вражды?

Дэниел Эбботт снова покачал головой, словно вопрос вовсе не имел смысла.

– Тео – не проблема. Проблема – это его жена, Сюзан. После смерти матери она успокоилась только тогда, когда продала ее особняк, – не хотела, чтобы ее отец и его новая жена продолжали там жить. И не было никаких проблем до тех пор, пока она не узнала, что Бен собирается сломать существующий дом. Сюзан вдруг стала настаивать, чтобы Тео выкупил его обратно. Она эгоистка, которой ни до кого нет дела. Она сущее наказание для Тео, поверьте.

– Значит, по вашему мнению, – продолжал Фалько, – расследовать этот спор из-за собственности не имеет смысла.

– Вы только зря потратите драгоценное время и ресурсы, – настойчиво повторил Эбботт.

– А что вы скажете про жену вашего сына? – спросила Керри, меняя тему. – У нее в жизни были проблемы? Она когда-нибудь упоминала о них? О чем-то необычном?

И вновь Дэниел Эбботт покачал головой.

– Села очень занята фандрайзингом для целого ряда благотворительных учреждений, – объяснил он. – Она любит свою работу, и она очень, очень хорошо ее выполняет. За то короткое время, что она живет в Бирмингеме, Села собрала невероятное количество денег для разных благотворительных организаций, особенно тех, что помогают женщинам в опасности.

– Может, что-то произошло в ее прошлом, за что мы могли бы зацепиться? – Керри открыла блокнот и приготовилась записывать. Ей нужно было что-то еще, кроме того, что они уже знали. Соседи, сотрудники мужа и вся информация, собранная в интернете, – все захлебывались от восторга по поводу доброй и щедрой Селы Роллинс Эбботт.

– Они встретились в Сан-Франциско, – сообщил Эбботт. – Я уверен, вы знаете, что там находится основная часть бизнеса Бена.

Керри кивнула. Она знала. Длинный разговор с администрацией офиса в Сан-Франциско дал ей ту же информацию, что она получала отовсюду. Эбботты были безупречны. Безумно влюблены друг в друга. Образцовые люди.

– Он перенес часть бизнеса сюда, чтобы быть ближе к дому. После того, что случилось, он не хотел находиться слишком далеко. – Эбботт взглянул на свою жену.

Это были новости.

– А что случилось? – Керри посмотрела на мистера Эбботта, потом перевела взгляд на его жену.

– У меня был инфаркт, – сказала миссис Эбботт. – Я поправилась даже быстрее, чем ожидалось, но кое-какие последствия все же давали о себе знать. Не исключая возможность еще одного инфаркта, Бен захотел вернуться домой и оставаться рядом со мной. Я думаю, он еще и поэтому так неожиданно решил жениться на Селе. Они встречались всего около двух месяцев. Мой околосмертный опыт, похоже, заставил его взглянуть на жизнь в новом свете. Он понял, что хочет свою семью, и тут... возникла Села.

«Удачно», – про себя закончила за нее Керри.

– Не помните ли вы, чтобы после свадьбы Бен, скажем так, почувствовал, что, возможно, он немного поспешил?

– Не хотите ли вы сказать, – перебил мистер Эбботт, – что весь этот ужас как-то связан с его женитьбой на Селе?

– Нет, сэр, – быстро ответила Керри. – Я просто пытаюсь сократить количество потенциальных причин. Вы утверждаете, что у Бена не было врагов в бизнесе. Не было проблем на работе. Остается его личная жизнь. Если спор из-за недвижимости с Тео Томпсоном ни при чем, должно быть что-то еще.

Мистер и миссис Эбботт некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Был один период, – заговорила наконец миссис Эбботт, – месяца четыре-пять назад. Я не знаю, что там случилось, но между Беном и Селой что-то произошло. Мы чувствовали сильное напряжение, но он отказывался это обсуждать. Продолжалось все недолго – они узнали, что у них будет ребенок, и вдруг снова стали счастливы. Бен так и не сказал нам, что это было.

– Большинство пар испытывают подобное напряжение в начале пути. – Мистер Эбботт похлопал жену по руке. – Мы тоже через это прошли.

Его жена кивнула и промокнула глаза платком.

– У вашего сына должны были быть друзья, – заговорил Фалько. – Возможно, старый школьный друг. Кто-то, кому он доверял и с кем мог бы поделиться своими проблемами на работе или в личной жизни.

– Повзрослев, Бен стал чрезмерно закрытым. В мире «Эбботт Опшенс» это качество имело особое значение, – повторил его отец. – Однако есть кое-кто, с кем он поддерживал отношения много лет. Поговорите с Китом Бельмонтом. Он адвокат. Они с Беном дружили с детского сада.

Керри записала имя в блокнот.

– Контактировал ли мистер Бельмонт с вами с тех пор, как узнал о случившемся?

– Он приходил вчера вечером, – ответила миссис Эбботт. – Он убит горем так же, как мы. После непродолжительного молчания Фалько спросил:

– А не было ли у них проблем с тем, что мать Селы жила с ними в одном доме? Может, ее присутствие как-то стесняло молодых людей?

– Жаклин поселилась с ними с самого начала, – сказал мистер Эбботт. – У нее были проблемы со здоровьем, и никто не ухаживал за ней, кроме дочери.

Пока он говорил, Керри внимательно смотрела на лицо миссис Эбботт. На нем явно читалась неприязнь. Ей наплевать на Жаклин Роллинс, это очевидно.

– Что за проблемы со здоровьем были у мисс Роллинс? – спросила Керри.

– Ирония заключается в том, – ответила миссис Эбботт, – что через несколько дней после моей операции на сердце у Жаклин был диагностирован рак. Мне показалось странным, что при этом она всего один раз сходила к онкологу – как раз тогда, когда ей поставили диагноз. – Миссис Эбботт поджала губы с явным неодобрением. – Села настояла на том, чтобы отвести мать к одному из этих травников. И насколько я знаю, мисс Роллинс больше не ходила ни к одному врачу. У нее была масса рецептов от первого врача, но она отказывалась пить лекарства.

В ее голосе звучала неприкрытая неприязнь к матери невестки, а возможно, и к самой невестке.

– Вы не помните имя травника? – Керри приготовилась записать информацию, чтобы потом перепроверить.

Миссис Эбботт покачала головой.

– Она, вероятно, упоминала имя однажды, но я не запомнила.

– Нестрашно, я уверена, что смогу его найти, – заверила ее Керри и убрала блокнот в карман, при этом не сводя глаз с отца. – Мистер Эбботт, мне очень не хочется задавать вам этот вопрос, но он необходим.

– Как я уже сказал, – повторил он, – спрашивайте все, что сочтете нужным. Мы хотим помочь.

– Ваша компания, «ДАТАКО», – самая крупная в штате. В числе первых двух сотен по стране. Возможно ли, что произошедшая трагедия как-то связана с вашей компанией – или, возможно, с вашими врагами?

Казалось, мистер Эбботт опешил от такого вопроса.

– Я могу вас заверить в том, что «ДАТАКО» не имеет отношения к гибели Бена. Мы компания многопрофильная, занимаемся разносторонней деятельностью – от издательства до производства и торговли недвижимостью. Но у нас нет и никогда не было таких врагов.

– Могу представить, – сказал Фалько, – ваше разочарование, когда сын решил создать собственный бизнес, вместо того чтобы присоединиться к «ДАТАКО».

Миссис Эбботт опустила глаза и рассматривала мятый платок в своей руке, а мистер Эбботт посмотрел прямо на Фалько почти с возмущением.

– У моего сына, как, я уверен, вам известно, были куда более грандиозные планы. Однажды «ДАТАКО» станет – стала бы – принадлежать ему, и он смог бы распорядиться ею по своему усмотрению. А Бен всегда был самостоятельным человеком.

Название «ДАТАКО» – акроним из первых букв имен мистера и миссис Эбботт. Мистер Эбботт получил в наследство от отца небольшую компанию и продал ее, чтобы создать «ДАТАКО». Поэтому Керри считала, что со стороны мистера Эбботта было бы лицемерием обижаться на решение сына завести собственный бизнес. И тем не менее этот момент нуждался в дополнительном разъяснении.

– Я надеюсь, один из вас или вы вместе позвоните нам, если вспомните что-то полезное для расследования. Любой новый человек, появившийся в жизни вашего сына. Любые проблемы – даже очень мелкие, – которые он мог упоминать. Все что угодно. – Керри протянула свою визитку мистеру Эбботту.

– Разумеется, – заверил он ее.

– Если у нас появятся новые вопросы, – добавил Фалько, – возможно, нам придется снова посетить вас.

Эбботты вновь подтвердили свое желание помочь. Керри поблагодарила скорбящую пару за содействие, и затем все тот же дворецкий проводил их до дверей.

Спускаясь по ступеням, Фалько сказал:

– Теперь в офис Эбботта?

– Да. – Керри помедлила, прежде чем открыть пассажирскую дверь его «Чарджера». – А потом нужно будет найти этого друга, Кита Бельмонта.

– Друга, о котором ни один сосед не имел понятия? – уточнил Фалько через крышу машины.

– Того самого.

Когда они выезжали из ворот, защищавших собственность от непрошенных гостей, Керри повернулась к Фалько. Все это время она пристально наблюдала за Темпест Эбботт и пришла к заключению, которое не давало ей покоя.

– Миссис Эбботт определенно не жаловала мать Селы. Между ними точно была какая-то вражда.

– Ага, я тоже это почувствовал.

– А еще мне показалось, что она и от самой Селы была не в восторге. Ты заметил, что она даже не спросила про нее, только про внучку.

Фалько послал Керри понимающий взгляд.

– Мне тоже это показалось странным. Но страннее всего было то, как по-деловому старик Эбботт отвечал на вопросы. Я ожидал, что он будет в глубоком шоке, понимаешь? Единственный сын убит. Казалось бы, на следующий день он должен быть совершенно раздавлен.

Керри кивнула:

– Ты прав. Разговор был очень сдержанный, я бы даже сказала – осторожный.

И вот она – первая трещина в прекрасном фасаде жизни Бена Эбботта.

9

11:00

Адвокатское бюро Кита Бельмонта

Третья авеню, Север

Кит Бельмонт запер туалетную дверь и повернулся к зеркалу. Ужас захватил его и рвался наружу, отражаясь в зеркальной поверхности. Он отвернулся, спустил воду и закрыл лицо руками. Зажал себе рот и сдавленно застонал.

Господи боже, почему же он не понимал, чем это может закончиться?

Боль пульсировала внутри, и слезы потекли по его щекам.

В какой-то степени именно он был виноват в этой ужасной трагедии.

Приезжала полиция... чтобы его допросить, но он не мог с ними разговаривать.

Не сейчас. С его губ сорвался еще один стон отчаянья.

Он должен был сказать «нет», когда Бен приходил. Он должен был предупредить своего друга детства, что война, которую тот собирался начать, ничем хорошим не кончится.

И вот Бен мертв.

– Господи, господи, господи... – Кит в отчаянии тер виски. *Это я виноват. Это я виноват.*

От одной мысли о том, что сейчас могло происходить с Селой, у него скрутило живот и сжалось сердце.

И с ребенком. Он стал качать головой, крепко сжав зубы, чтобы подавить очередной вопль ужаса.

Кит подумал о собственных детях, и ему стало еще хуже. Возможно, в этот самый момент кто-то следит за ними. Они с Беном открыли ящик Пандоры, и неизвестно, что еще может произойти.

Его трясло. Он дошаркал до раковины, умылся и попытался взять себя в руки. Бен и его жена – господи, и ее несчастная мать – заслуживали большего, чем его разбитое сердце и оцепеневший от ужаса мозг. Он, Кит Бельмонт, должен все исправить. Чего бы это ни стоило.

В кармане брюк завибрировал телефон. Он выхватил его и уставился на экран.

Слава богу, не эта настырная тетка-детектив. Помимо утреннего визита в офис, она уже два раза звонила. Не может же он вечно прятаться от нее и ее напарника. Но ему нужно время. Время, чтобы придумать логичные и обоснованные ответы на их вопросы, время, чтобы собраться с мыслями.

– Скажи мне, что ты что-то нашел, – сказал он в трубку.

– Нет еще.

От слов Нила Рамси у Кита только сильнее сжалось сердце.

– Ты смог пробраться в дом? Что-нибудь пропало? Что-нибудь, доказывающее, что это сделал кто-то другой, кто-нибудь...

Помимо подонков, которых они растормошили.

– Да, и я не нашел ничего, указывающего на грабеж как на причину вторжения.

У Кита внутри что-то оборвалось. Так значит, это правда. Он был виноват в том, что случился этот кошмар. Он медленно, про себя повторил эти слова. Рамси – сыщик, которого он нанял. Рамси ни разу не подвел. Кит, не задумываясь, доверил бы этому человеку жизнь собственных детей.

– Не буду спрашивать, как ты попал внутрь. – Дом охранялся полицией, и Кит подозревал, что так будет продолжаться до тех пор, пока криминалисты не закончат свою работу. Бывало, что собственность оставалась в распоряжении полиции в течение нескольких дней, а

то и недель, поскольку потенциальные улики могли понадобиться на более поздних стадиях расследования.

– Тебе лучше этого не знать, – отозвался человек на другом конце провода.

Кит работал с Рамси уже много лет; они понимали друг друга.

– Удалось выяснить что-то новое?

Неважно, что Кит априори верил Рамси; телефонный разговор могли прослушивать, записывать. Поэтому было крайне важно осторожно подбирать слова.

– Боюсь, что нет, мистер Бельмонт.

– И насчет Селы – тоже ничего? – В ожидании ответа Кит затаил дыхание, надеясь услышать что-то обнадеживающее.

– Ничего.

Надежда испарилась.

– Позвони, когда что-то найдешь.

Он оборвал звонок, чтобы не разрыдаться снова. В два у него была запланирована встреча. И вообще, сколько можно торчать в этом туалете.

Кит думал о риске, связанном с продолжением этого неофициального расследования. Нервы были на пределе. Он не хотел отвечать за еще одну прерванную жизнь. Но если он сейчас остановится, подонки уйдут от ответственности за то, что сделали.

Кита охватила ярость, и он решительно сжал губы. Правда выйдет наружу, и он достанет этих сукиных сынов – так или иначе.

Кит отпер дверь и приготовился вернуться в офис.

Он должен попытаться все закончить – ради Бена.

10

13:30

Департамент полиции Бирмингема

Первая авеню, Север

Специальный отдел особо важных расследований

– В прошлом году Села Эбботт организовала четыре крупных фандрайзинговых аукционов и полдюжины мероприятий помельче, – сообщила Керри. Она сделала пару шагов назад и оглядела новый график на информационной доске. – Деловая дамочка, ничего не скажешь.

Фалько маячил перед доской, изучая новые даты и происшествия, добавленные в нижней части. Верхняя была уже испещрена известными им фактами и событиями, которые произошли за неделю до убийств, кроме того, там расположились фотографии потенциально причастных людей – снимков было немного. Единственный человек, который мог бы им помочь разобраться в этом деле, недоступен. Ассистентка Кита Бельмонта утверждала, что он уехал из города, однако Керри сильно сомневалась в том, что девушка говорила правду. Так или иначе, уже прошло полтора дня, а они все еще не смогли побеседовать с единственным близким другом Бена Эбботта.

Фалько вдруг остановился и уставился на доску.

– Да, вот уж кто обзавелся правильными связями. Ты только посмотри на список участников ее благотворительных мероприятий. – И он стал называть имена, тыкая в каждое пальцем. – Да это просто «Кто есть кто» в нашем чудесном городе. Здесь даже миссис Сьюзан Томпсон.

– Я заметила, – сказала Керри и покачала головой. – У большинства специалистов по фандрайзингу есть подчиненные или хотя бы один помощник. Но только не у Селы Эбботт. Она все делает сама.

– Похоже, нам надо встретиться со всеми ее партнерами по организации тех мероприятий и спросить каждого – или каждую, что они думают о пропавшей жене Бена Эбботта.

– Да, будем разделять и властвовать, – решила Керри. – Ты покрутись вокруг офиса Бельмонта и постарайся все-таки его поймать, а я пройдусь по этому списку.

– Угадать, с кого ты начнешь? – ухмыльнулся Фалько.

– Есть ли новости, о которых мне следует знать, детективы?

Керри обернулась на звук голоса лейтенанта Брукса. Он стоял в дверях их бокса и изучал информационную доску.

– Мы побеседовали с родителями Эбботта, – отрапортовала Керри. – Собираемся поговорить с Китом Бельмонтом. Мистер Эбботт назвал адвоката лучшим другом своего сына.

– И мы все еще ждем результатов экспертизы, – заметил Фалько.

Керри решила рассказать шефу еще об одной версии:

– Ассистентка Бена Эбботта утверждает, что у них с Тео Томпсоном произошел публичный спор из-за объекта недвижимости. В связи с этим мы планируем опросить мистера Томпсона.

Лейтенант нахмурился.

– Я думаю, вам следует подождать с Томпсоном, пока у вас не появится что-то еще, кроме слухов. Шеф полиции не хочет, чтобы мы зря расстраивали Тео или его отца, у них сейчас много дел.

Фалько кивнул.

– Да уж, политические кампании – это ад.

Керри еле сдержала улыбку, но лейтенант шутку не оценил.

– В таких громких делах, как это, Фалько, журналисты следят за каждым нашим шагом. Одно неверное движение может спровоцировать цепную реакцию, за которую нам не хотелось бы нести ответственность.

Фалько кивнул.

– Ясно, сэр.

– Молодец. Продолжайте копать, – Брукс обратился к Керри, прежде чем уйти.

– По-моему, я ему не нравлюсь, – сказал Фалько.

– Дело не в тебе, Фалько. Дело в политике. Наш отдел зависит от пожертвований городской элиты. Печально, но это факт.

Фалько вздохнул.

– Ну, я поехал караулить Бельмонта.

– Сначала отвези меня домой, чтобы я могла пересесть на свою машину.

– Ах да, я и забыл, что тебе нужны колеса, чтобы разворошить этот улей. – Он посмотрел ей в глаза. – Уверена, что хочешь это сделать, Девлин?

– Он велел не беспокоить Тео без веской причины, но он ничего не сказал про его жену.

Дом Тео Томпсона

Огаста-вей

Керри припарковалась на булыжной подъездной дороге перед домом Томпсонов. Высокое каменное здание располагалось на трех акрах роскошного участка. Огромные окна, массивные двери – дом выглядел как дворец.

На веранду вели четыре ступеньки. Керри остановилась у двери и позвонила. По дому прокатился глухой звук колокольчиков. Она взглянула в камеру, незаметно вмонтированную над дверью. Кто бы ни был сейчас дома, скорее всего, хозяева уже знали, что у них гости.

Дверь открылась, и перед Керри предстала хозяйка во всем великолепии. Идеально уложенные светлые волосы по плечи, безупречное лицо, ни морщинки, хотя ей было под пятьдесят. Ее карие глаза внимательно изучали Керри, пока та демонстрировала свой бейджик.

– Я детектив Керри Девлин, и мне нужно задать вам несколько вопросов, мадам.

Миссис Томпсон вежливо улыбнулась.

– Я всегда рада принять нашу полицию, но мне бы хотелось узнать тему нашей беседы, прежде чем мы начнем говорить.

Элегантное кремовое платье, которое дополняли того же цвета туфли на шпильках, говорило о том, что она только что закончила важный ланч или деловое свидание. Никто ведь не ходит по дому в такой нарядной одежде.

– Разумеется, – ответила Керри ей в тон. – Я расследую убийства в доме Эбботтов.

Сьюзан Томпсон вздохнула.

– Такая трагедия. Пожалуйста, входите.

Она первая пошла через небольшое фойе к лестнице, которая спускалась в роскошную гостиную с высоченным потолком, причем из окон, располагавшихся на уровне второго и третьего этажей, открывался вид на участок. Убранство комнаты было таким же изысканным, как и сама хозяйка. Каждый угол излучал богатство.

Миссис Томпсон присела на софу, скрестила ноги и сложила руки на коленях. Керри выбрала стул напротив. Томпсон не предложила освежающих напитков и не задавала вопросов, она просто ждала.

– Насколько хорошо вы знали жену убитого, Селу Эбботт?

– На самом деле, я ее совсем не знала, – ответила она с высоко поднятой головой. – Мы сталкивались на нескольких мероприятиях, что неудивительно. Но мы с ней едва знакомы.

– Вы вместе участвовали в одном фандрайзинговом мероприятии, – заметила Керри. – Много вы проводили времени вместе, пока планировали и организовывали его?

Томпсон фыркнула.

– О господи, да нет же. Хотя мое имя и значилось в программе, но всем занималась моя помощница. Я появилась только на самом аукционе. Видите ли, у меня каждая минута расписана.

– Хм, – промычала Керри с удивлением. – Так значит, вы совсем не знаете Селу Эбботт.

– Нет, не знаю. Только то, что говорят другие. – Она пожала плечами. – Слухи, знаете ли.

– Какого рода слухи? – Керри приготовила блокнот.

Миссис Томпсон глянула на блокнот, а потом спросила:

– Предпочитаете, чтобы я была с вами абсолютно откровенна, или выдать вам версию помягче?

– Пожалуйста, будьте абсолютно откровенны, – попросила Керри.

– Большинство дам в наших кругах считают ее охотницей за состоянием. У Бена были свои странности. Он вечно торчал в своих компьютерах и никогда не был общительным. Ботаник, так, кажется, это называется. По словам его матери, он все время работал. И вдруг откуда ни возьмись появилась Села, и все изменилось.

– Начав вращаться в ваших кругах, была ли она дружелюбна с другими дамами?

– О нет, вовсе нет, – миссис Томпсон покачала головой. – Но она наблюдала за нами. За всеми нами. Как будто планировала наш конец. Это было очень неприятно.

– Но вы никогда не имели с ней дела напрямую?

– Никогда.

– А что вы можете сказать насчет того, что ее муж недавно приобрел дом, ранее принадлежавший вашим родителям? Вы никогда не обсуждали с ней это приобретение или планы Эбботта на новую собственность?

Лицо Томпсон покраснело. Она заправила за ухо локон. Цвет ее щек практически не отличался от алого лака на ногтях.

– Это возмутительная история, крайне болезненная для меня. Но, отвечая на ваш вопрос: нет, мы с ней не обсуждали издевательские планы ее мужа. Это все просто неслыханно. Впечатление было такое, что они понимали, насколько мне будет больно, и все равно решили так поступить.

– Простите мою прямоту, мадам, но, если вы были так привязаны к этому дому, зачем вы вообще его продали? Пока он оставался в семье, у вас был контроль над ситуацией.

– Это было импульсивное решение. Я не должна была его принимать. – Она покачала головой. – Но семья, которая его купила, была в нем так счастлива и так хорошо заботилась о доме, что я подумала: все к лучшему. Моя мать хотела бы, чтобы кто-то наслаждался домом, который она так любила. А новая жена моего отца захотела что-то более управляемое.

– Но ведь ваше детство прошло не там, – настаивала Керри.

– Нет. Но это был дом, который моя мать всегда хотела. Я помогала ей декорировать его, и последние свои годы она провела там. Она так его любила.

Керри кивнула.

– Тяжело смотреть, как разрушается что-то значимое для человека, которого ты любил.

– Это все она! – воскликнула Томпсон. – Было в ней что-то, в Селе, я имею в виду. Что-то очень злое. Возможно, это она убила мужа и собственную мать – просто потому, что план, который она придумала, не сработал.

– Какой план?

Сьюзан Томпсон вздохнула.

– Понятия не имею. Я просто говорю, что Села Эбботт – чрезвычайно эгоцентричная особа, вознамерившаяся забрать себе все, до чего сможет дотянуться, – уверенно закончила она.

– Но вы же совсем не знали ее, как вы можете утверждать подобное?

– Так про нее говорят люди. Что она пойдет на все, чтобы добиться своего. Все, кому довелось провести с ней некоторое время, так говорят.

Возможно, что святая была не такой уж святой.

– Миссис Томпсон, мне очень нужно как можно больше узнать о Селе Эбботт. Если вы или ваши друзья способны прояснить какие-то вопросы для нашего расследования, вы окажете нам неоценимую помощь. Но мне нужны факты, а не намеки.

– На самом деле, я вам рассказала все, что знала, и большая часть из этого, как я сказала, слухи. Мои друзья не общаются с Селой Эбботт. – Она посмотрела на антикварные часы на стене. – Боюсь, у меня назначена встреча в офисе. Мы сейчас очень заняты предвыборной кампанией. – Она встала. – Я надеюсь, вы раскроете это дело, детектив. Уверена, что Дэниел и Темпест сейчас вне себя от горя.

– Спасибо, – сказала Керри, идя за ней к дверям. Перед тем как уйти, она спросила: – Возможно, ваш муж может знать больше о Бене и Селе Эбботт.

– Я совершенно убеждена, что это не так, – твердо заявила миссис Томпсон. – Но если вам нужно, я уверена, что один из его ассистентов сможет вам помочь. Всего хорошего, детектив.

И дверь захлопнулась у Керри перед носом.

Она подошла к своему «Вагону» и села в машину. Очевидно, Села Эбботт была не так уж популярна среди жен членов семьи своего мужа и его друзей.

Все, что Керри нужно было сделать, – это найти настоящую причину.

11

17:35

Дом Керри Девлин

Двадцать первая авеню, Юг

Фалько ждал Керри. Подъехав к дому, она первым делом посмотрела наверх – Тори стояла у окна. Увидев мать, она отошла в глубь комнаты. Короткая эсэмэска в половине пятого сообщила, что ее подруга ушла домой. Керри подумала, что должна быть благодарна и за этот маленький жест. Некоторые родители и того не имеют, просто это было так непохоже на ее дочь.

По крайней мере, она приехала домой до шести, как обещала. Керри устало выдохнула. Интересно, их с Дианой мать мучилась с ними так же?

Ее новый напарник сидел на ступеньках крыльца. Керри вышла из машины и подошла к нему.

– Твоя дочь пригласила меня подождать внутри, но я подумал, будет лучше, если я подожду снаружи.

– Правильно подумал. – Керри присела рядом с ним. – Я не так хорошо тебя знаю, чтобы разрешить тебе находиться в моем доме наедине с моей дочерью.

Он повернул голову и посмотрел на нее. Красные от усталости глаза и хриплый смехок, классический Фалько.

– погоди. Я не пошел внутрь, потому что испугался, что я окажусь в опасности. Твой ребенок открыл дверь с газовым баллончиком в одной руке и телефоном в другой, причем на экране уже был набран номер 911. Одно нажатие пальцем – и я в большой беде.

Несмотря на то что день выдался на редкость непродуктивным и выматывающим, Керри рассмеялась.

– Умница.

– Определенно, – согласился он.

Мимо проехал минивэн, и они оба проводили его взглядами.

– В общем, я следил за офисом Бельмонта до самого конца рабочего дня, но он так и не вышел. – Фалько надул щеки и шумно выпустил воздух. – Я думаю, его секретарша или ассистентка, кто она там есть, говорила правду о том, что его нет в городе. Когда она ушла, я заглянул в окно, и там было темно.

Керри пока не понимала, что делать с адвокатом. Прошлым вечером он навестил Эбботтов. В принципе, на сегодня у него могла быть назначена встреча за городом. Но почему он решил уехать, вместо того чтобы изо всех сил стараться помочь семье искать Селу? Она ведь была женой его лучшего друга. Эбботты предложили приличную награду за ее благополучное возвращение. Интересно, это он им посоветовал? Керри так и не знала наверняка, потому что Бельмонт был слишком занят, чтобы с ней встретиться.

– Этот Бен Эбботт чересчур безупречен, Девлин. – Фалько положил руки на колени и наклонился вперед. – Ни врагов, ни порочащих связей. И из дома ничего не пропало, кроме ноутбука, насколько мы знаем.

И кроме его жены. Но об этом можно и не напоминать.

– И что ты хочешь сказать? – спросила Керри.

– Я хочу сказать, что мы не там ищем. Может быть, убитый – Бен Эбботт – погиб из-за чего-то, имеющего отношение к его прошлому, а не настоящему.

– Ты предлагаешь переключить внимание на что-то, о чем его семья почему-то не сочла нужным нам рассказать? – Она покачала головой. – Я так не думаю. Он был одним из самых богатых людей на планете – одно это делает его мишенью. Если у него и было что-то такое в

прошлом, что могло бы угрожать ему теперь, его родители сказали бы нам. – Это не стопроцентная информация, но, скорее всего, именно так и обстояли дела. Керри все же пришлось стать адвокатом дьявола.

– Они могли и не знать, – возразил Фалько.

О'кей, возможно, он прав. Нет смысла оспаривать такую вероятность. Бен Эбботт больше десяти лет жил вдали от родного дома.

– Хочешь пива или еще чего-нибудь?

Он махнул рукой.

– Нет, спасибо. Я уже поеду. Просто хотел доложить тебе про Бельмонта. Ты поговорила с женой Томпсона или с кем-то еще из того благотворительного списка?

– Поговорила. – На самом деле голова у Керри до сих пор кружилась от бесконечных и бессмысленных сплетен. – Я поговорила со всеми: с кем-то по телефону, с кем-то лично. И все они с удовольствием поливали друг друга. – Она скорчила гримасу. – Я понятия не имела, что светские дамы могут быть такими бессердечными. Но все они, кроме одной, соглашались, что Села Эбботт – святая, бла-бла-бла.

– Хочешь, угадаю, кто эта одна. – Он ухмыльнулся.

Керри закатила глаза.

– Сюзан Томпсон утверждает, что едва знает Селу, но при этом именно она настаивает, что та – охотница за состоянием и вообще ужасная злодейка. Она утверждает, что это мнение основано на рассказах других дам из ее круга, – вот только Сюзан Томпсон – единственная, кто излучает негатив. Она, очевидно, терпеть не может Селу Эбботт. И сдается мне, она слишком сильно ее ненавидит, чтобы совсем не знать.

– Думаешь, стоит в этом покопаться?

– Возможно. Дай мне как следует переварить нашу с ней беседу, и завтра все обсудим.

Он встал, но Керри протянула руку и задержала его.

– Чуть не забыла, мне позвонила Гиббонс. Мы встретились в доме Эбботта и вместе прошли по всем комнатам. Она тоже не заметила никаких пропаж, кроме ноутбука.

– Черт возьми, Девлин, ты прямо как пчелка.

Керри поднялась на ноги.

– И я смертельно устала.

– Отдыхай. Завтра будет новый день. – Фалько повернулся, чтобы уйти, но вдруг замялся. – Слушай, у меня есть подруга, которая держит руку на пульсе этого города. Она тоже коп, но ты ее не знаешь. Она почти всю свою карьеру работает под прикрытием. – Он пожал плечами. – Как я раньше. В общем, у нее есть любые связи. Я ей позвонил, и оказалось, она владеет крайне интересной информацией по нашему делу.

Оставалось надеяться, что Фалько не выдал этой подружке никаких служебных деталей, которыми не имел права делиться.

– Что еще за информация?

– Она говорит, что всего несколько недель назад Эбботт начал копаться в чем-то, что случилось много лет назад. Случилось здесь, в Бирмингеме.

– Она как-то определила это «что-то»? – Новость, что Эбботт зачем-то стал копаться в прошлом, сама по себе была бесполезной, однако Керри по крайней мере поняла, откуда у ее напарника взялась эта идея «давай посмотрим в прошлое».

«Успокойся, Керри». В этой ситуации она не могла себе позволить игнорировать какие-то версии.

– Она сейчас этим занимается. Обещала сообщить, как только накопает что-то конкретное. Она не тот тип, чтобы увлекаться пустыми гипотезами. Она не стала бы говорить, если бы там ничего не было.

Керри задумалась, подбирая слова.

– Ты, разумеется, в курсе, что у нас имеется определенный протокол относительно распространения информации. Это особенно важно, когда речь идет об убийстве. Все остальные подразделения и так словно под микроскопом рассматривают наш Спецотдел, не говоря уже о прессе. Поэтому мы не можем вольно обращаться со служебной информацией. Если твоя подруга расскажет кому-нибудь о твоём звонке, может последовать обратная реакция, понимаешь?

Фалько изумленно вздернул брови.

– Во-первых, я не занимался *распространением* информации, Девлин. Я задавал вопросы хорошо знакомому осведомителю, который закидывает обширную сеть, охотясь за информацией. Она собирает все слухи и сплетни о людях в этом городе.

– О'кей, надеюсь, мы поняли друг друга.

Он поднял руки вверх.

– Мы поняли друг друга. Ты мне не доверяешь. Ясно.

Да что ж такое!

– Мы работаем вместе всего два дня, Фалько. Я не то что не доверяю тебе. Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть к твоим методам.

– Ага, о'кей. До завтра.

Чувствуя себя последней сволочью, Керри смотрела, как он садится в машину и уезжает. Она повернулась и стала подниматься по ступеням туда, где обитало еще одно недовольное ею существо. Керри достала ключи и отперла дверь.

– Я дома, – крикнула она и закончила себе под нос: – Если это кому-нибудь интересно.

Керри прошла в кухню и открыла холодильник. Она была не особенно голодна, но знала, что нужно поесть. На глаза ей попался пакетик со смесью орехов, кусочков сыра и сухой клюквы. Годится, решила она. Еще подумав, Керри прихватила бутылку пива. Дошла до кабинета и рухнула на стул у письменного стола.

Положив ноги на стол и держа в руке бутылку пива, Керри принялась изучать схему, которую составила вчера вечером. Две жертвы – или четыре, считая пропавшую жену и еще не рожденного ребенка. Ничего не украдено, кроме ноутбука, где могла находиться скрытая информация. Керри нахмурилась. Маловероятно, что компьютерный гуру допустит такую ошибку, так что вряд ли. Требований о выкупе нет. Никаких намеков на неприятности, профессиональные или личные, кроме спора о доме на Уиспер-Лейк-серкл.

Но должно же быть что-то. Людей редко убивают без причины.

Отставив пиво, она встала и подошла к доске. Несмотря на свои сомнения, Керри записала то, что ей сказал Фалько. Если что-то появилось из прошлого Эбботта, это должно быть что-то личное и что-то очень серьезное. Под фотографией Селы Керри дописала: «*охотница за состоянием*» – и поставила знак вопроса.

Им надо будет заняться семейной историей Эбботтов здесь, а потом – историей Бена в тех местах, где он жил за последние десять лет. И то же самое с женой и тещей.

Она посмотрела на фотографию Селы Эбботт.

– Где же ты, черт возьми?

Интуиция говорила, что Села, скорее всего, мертва, но глубоко внутри Керри хотела верить, что она где-то есть, дышит и, возможно, борется за свою жизнь.

На «горячую линию» поступали сотни звонков, особенно в связи с обещанной наградой. Ни один не был полезным. Два офицера, принимавшие звонки, держали Керри в курсе.

Завтра будет новый день, напомнила она себе. Каждое дело раскрывается в свое время. С этим они только начали.

Керри поднялась по лестнице и замерла у двери дочери, прислушиваясь. Там играла любимая поп-песня Тори. Еще несколько месяцев назад Керри, не задумываясь, открыла бы дверь и спросила, как прошел ее день.

Теперь там ее не ждали.

Чтобы не жалеть себя, она прошла в свою комнату, повесила куртку и спрятала оружие в сейф, стоящий на тумбочке. Потом спустилась вниз приготовить ужин – а подробности дела пусть пока что потихоньку улягутся в голове. Может быть, в результате ее мозг выдаст какую-нибудь бриллиантовую версию, которая изменит все.

В дверь позвонили, и Керри отложила замороженную лазанью. Когда она занималась расследованием, их с дочерью рацион в основном состоял из замороженных полуфабрикатов и готовой еды навынос. Тори никогда не жаловалась, но сейчас Керри вдруг почувствовала себя паршивой матерью.

Она вздохнула и посмотрела в глазок. Джен и Диана махали, как сумасшедшие. Улыбаясь, несмотря на усталость, Керри открыла дверь.

– Какими судьбами?

Джен помахала упаковкой пива.

– Если ты слишком занята, чтобы организовать девичник, мы решили принести его тебе – типа того.

Этого следовало ожидать. И Диана, и Джен давно уже просили Керри поужинать с ними. Но у нее вечно не было времени, тем более что с таким ненормированным рабочим днем она старалась каждую свободную минуту проводить с дочерью.

Диана сгребла Керри в объятия.

– Тори рассказала мне, как много ты работаешь над этим ужасным, жутким делом.

– Правда? – Керри чуть отстранилась. – Моя дочь беспокоится обо мне?

Выражение лица Дианы подсказало, что Тори двигало не только и не столько «беспокойство».

– Конечно. Мы же всегда волнуемся друг о друге!

Керри засмеялась.

– А как же! Заходите, девчонки, я как раз собиралась забросить в духовку замороженную лазанью. Будет здорово, если вы к нам присоединитесь.

Джен водрузила упаковку пива на обеденный стол.

– Забудь про замороженную фигню. Сейчас приедет пицца.

Не успела Керри закрыть за ними дверь, как снова раздался звонок. Она открыла и обнаружила за дверью разносчика с красной сумкой.

– Керри Девлин?

– Я, – подтвердила она. Керри обрадовалась приходу подруг. Ей нужно было отвлечься.

Разносчик открыл сумку, вытащил из нее две коробки и передал их Керри.

– Привет от Робби Своннера. Он еще сказал, что даст мне хорошие чаевые, если я станцию перед вами.

– Спасибо, но нет. – Качая головой, Керри закрыла дверь и заперла ее. За ее спиной Джен с Дианой недовольно свистели и улюлюкали.

– Такой хорошенький. – Джен прыгала то на одной, то на другой ноге, пытаясь стянуть сапоги на нереально высоких каблуках.

Керри отнесла пиццу на стол.

– Хорошенький, но слишком уж молоденький для нас, – заметила она.

– Кто слишком молоденький? – спросила Тори, спускаясь по ступеням.

Диана и Джен засмеялись. Керри ответила:

– Разносчик пиццы. Твои тетки заявили, что он хорошенький.

– Фу-у-у. Ну вы даете! Я видела его из окна – по-моему, он не старше Амелии.

Теперь смеялась Керри.

Тори достала из холодильника банку газировки и присоединилась к ним за столом.

– А ты разве не была однажды замужем за чуваком младше себя, тетя Джен?

Диана и Керри давились от смеха, жуя пиццу.

– Он был первым. Красив был как бог, – сообщила Джен Тори. – Но через полгода он решил, что преданность – не его стихия.

– По крайней мере, ты не сдалась, – сказала Тори с невинностью половозрелого подростка.

Керри и Диана обменялись удивленными взглядами. Если бы одна из них позволила себе такой комментарий, Джен пооткусывала бы им головы.

– Номер два был не слишком красив, но на него можно было положиться. Он был старше меня, работал бухгалтером, и за всю свою жизнь он ни разу не получил ни одного штрафа за парковку. – Джен передернуло. – Он требовал преданности, и через три месяца не выдержала уже я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.